

Нэнси Коллман

РОССИЯ И ЕЕ ИМПЕРИЯ

1450-1801

Современная
западная русистика

История

Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika

Нэнси Шилдс Коллманн

Россия и ее империя. 1450–1801

«Библиороссика»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4+ 63.3(2)5

Коллманн Н.

Россия и ее империя. 1450–1801 / Н. Коллманн —
«Библиороссика», 2017 — (Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika)

ISBN 978-5-907532-45-8

В книге Нэнси Коллманн Россия раннего Нового времени рассматривается как «империя различий»: правительство управляло империей в условиях огромного культурного, языкового и религиозного разнообразия подвластных ему народов. Московские власти без колебаний использовали насилие для подчинения территорий, но также они кооптировали представителей местных элит в имперское дворянство и местные администрации и проецировали образ благосклонного царя, защищающего свой народ. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4+ 63.3(2)5

ISBN 978-5-907532-45-8

© Коллманн Н., 2017
© Библиороссика, 2017

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение	7
Пролог	14
Часть I	23
Глава 1	23
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нэнси Шилдс Коллманн

Россия и ее империя 1450–1801

Nancy Shields Kollmann
THE RUSSIAN EMPIRE 1450–1801

Перевод с английского Владимира Петрова
Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

© Nancy Shields Kollmann, text, 2017
© Oxford University Press, 2017
© В. Петров, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

* * *

Предисловие к русскому изданию

Для меня большая честь – представить российским читателям свой труд по истории России и ее империи в раннее Новое время. Это исследование, касающееся основных политических, социальных и экономических институтов России, не является московоцентричным. Я стремилась продемонстрировать в первую очередь этническое и религиозное разнообразие империи, показывая, как созданная московскими властями система управления (то, что я называю «империей различий»), вступала во взаимодействие с многочисленными народами внутри империи.

Такой подход начал формироваться еще в годы моего обучения в аспирантуре, где у меня было два блестящих наставника – Эдуард Л. Кинан (1935–2015) и Омелян Прицак (1919–2006). Оба они читали историю России и Украины, как я поняла позже, в умеренно-евразийском духе. Отвергая русский национализм и геополитический империализм евразийцев, Кинан и Прицак, подобно им, стремились к широкому географическому охвату. Нас, аспирантов, они побуждали не замыкаться в государственных границах, а изучать глобальное взаимодействие, определявшее облик мира на пороге раннего Нового времени: торговые пути, культурные контакты, связи в религиозной сфере, завоевания, переселения. Чтобы не было перекоса в сторону традиционного сравнения России с Европой, они предлагали смотреть на восток и на юг, узнавать о связях России с Османской империей и Персией, о дальневосточной торговле. Они приобщили нас к медленным ритмам лесов, степи, Шелковых путей, соединявших народы и культуры, служивших для торговли. Я попыталась хотя бы отчасти показать, как эта историческая энергия проявлялась в экспансии и институциональном развитии многочисленных народов и территорий, входивших в состав России.

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в списках литературы, приложенных к каждой главе, даются в основном работы на английском языке. Это сделано по просьбе издательства «Oxford University Press». Я не стала ничего менять, решив, что русскому читателю известны исследования на его родном языке, а труды на английском могут послужить интересным дополнением к ним.

Я посвящаю свою книгу Эдуарду Л. Кинану, блестящему исследователю Московского государства XVI–XVII веков. Он делал так, что история оживала, знакомя нас с повседневной реальностью взаимодействия цивилизаций, происходившего благодаря – а иногда и вопреки – языку, религии и культуре. Мне очень не хватает его.

Введение

Русская империя, 1450–1801

Как описать империю раннего Нового времени, если речь идет о более чем трехвековом периоде? Множество регионов, экономических укладов, этнических групп – и изменений, происходивших в течение этого срока. К 1801 году русская империя простиралась от Польши до Тихого океана, от Арктики до Каспийского и Черного морей и была населена десятками народов, культурное наследие и исторический опыт которых чрезвычайно различались между собой. В задачи правителей России – великих князей до 1547 года, царей до 1721 года, императоров после этой даты – входило расширение территории государства для приобретения производительных ресурсов (людских и материальных) и поддержание стабильности, достаточной для того, чтобы мобилизовывать приобретенные ресурсы. Им приходилось сталкиваться со всевозможными проблемами. Главной из них были расстояния («враг империй», пользуясь емким выражением Фернана Броделя), к которым добавлялись яростные бунты, постоянное бегство податного населения, сопротивление элит некогда суверенных государств. Однако правителям страны удавалось решать задачи, связанные с имперской экспансией, мобилизацией ресурсов и управлением, и в результате Россия на протяжении рассматриваемого периода превратилась из покрытой лесами области на окраине Европы и Евразии в крупнейшего геополитического игрока на обоих этих пространствах. Наша цель – выяснить, как московские правители добились этого, уделяя должное внимание громадному этническому, религиозному, социальному и политическому разнообразию их империи. Мы исследуем не только то, каким образом империя достигла могущества и как она управлялась, но и то, кем были ее многочисленные подданные и как страна пришла (если пришла) к социальному и политическому единству.

Подвести концептуальную базу под такой масштабный проект, охватывающий период протяженностью более трех столетий и территорию в тысячи квадратных миль, нелегко – велик риск представить постоянно меняющуюся реальность как нечто застывшее или наложить на прошлое современные категории. Применительно к России и то, и другое делали часто: в раннее Новое время, начиная с XVI века, страну клеймили как «деспотичную», а ее народ – как «нецивилизованный», преимущественно в сравнении с Европой. Эти эпитеты, ставшие нормативными, являются еще и либо телеологичными (предполагается, что Россия шла по тому же пути, что и европейские страны, но отставала от них), либо эссенциалистскими (предполагается, что русские никогда не смогут усвоить западные ценности). К счастью, недавние исследования дают возможность избежать упрощений, говоря о государстве и обществе в России раннего Нового времени. С 1970-х годов авторы научных трудов (преимущественно в США) начали изучать механизмы функционирования самодержавия, и образ всемогущего царя был отвергнут. Стало ясно, что политический процесс протекал и при самодержавии – монарх проводил совещания с наиболее влиятельными персонами и их семьями; их мнение учитывалось при принятии решений, и в целом управление государством держалось на этих семьях. Таким образом, для власти самодержца имелись неявные ограничения, связанные как с религиозной идеологией, так и с объективными факторами – географией, расстояниями, редким населением. Новый импульс исследованиям русской империи придал распад Советского Союза: в Европе, США, постсоветских республиках появились ценные труды, посвященные сообществам, жившим в этой империи. Эти новые работы хороши отсутствием телеологичности, согласно которой империя непременно должна превратиться в национальное государство, отсутствием стандартной критики империи как таковой и помещением русской империи в евразийский контекст. Их авторы вовсе не утверждают, что политика, основанная на кон-

сенсусе, как-либо подрывала безраздельное полновластие царя, однако заставляют нас трезво рассмотреть силы, с помощью которых самодержавный центр управлял страной.

Для наших целей особенно плодотворной оказалась модель «империи различий», созданная несколькими учеными: Джейн Бербанк, исследовавшей Россию, Фредериком Купером, изучавшим Африку, и Кэрин Барки, специалистом по Османской империи. Все эти империи управлялись из единого центра, но на языки, этническую принадлежность и верования покоренных народов никто не покушался – в них видели залог социальной стабильности. Эта концепция не нова. Не кто иной, как Никколо Макиавелли, в своем «Государе» (опубликованном в 1532 году, через пять лет после его смерти) указал на три варианта действий, доступные завоевателю в том случае, если «завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы»¹. «Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружелюбие».

Именно такой подход взяли на вооружение русская, Османская, Сефевидская, Могольская и Китайская империи, возникшие после заката империи монголов. В этих обширных континентальных государствах, крайне разнообразных по этническому, конфессиональному и языковому составу, власть соразмеряла выгоды от контроля со стороны центра с выгодами от сохранения внутриобщинной стабильности. Для разработки идеологий и стратегий, служивших основой правления, использовалось наследие чингизидов в сочетании с заимствованиями из других культур (в России – из византийской, в Османской империи – византийской и исламской, в Китае – конфуцианской и буддистской, в могольской Индии – индуистской). Том Олсен напоминает, что такие империи раннего Нового времени являлись «громкими коллекторами, которые улавливали, накапливали и хранили инновации, порожденные различными народами и культурами». В свою очередь, Альфред Рибер выявил общие стратегии управления и идеологии, возникавшие вдоль «евразийских границ», от Венгрии до Китая. В империях, о которых идет речь, обнаруживаются одни и те же военные технологии, методы делопроизводства, языки, коммуникационные сети, идеологии и подходы к управлению, основанные на уважении к различиям.

Россия развивалась как часть Евразии, благодаря чему познакомилась с разнообразными примерами проведения «политики различий» и строительства империи. Приобретенные ею территории можно представить как три полосы – южная, степная и область северных лесов; они простирались с востока на запад и отличались друг от друга в геологическом и историческом отношении: на этих землях проживали народы, ставшие соединительным звеном между Европой и Азией. Самая южная полоса, которая простиралась от Средиземного и Черного морей на восток, была регионом с большими, густонаселенными городами и плотной сетью торговых путей. Для удовлетворения потребностей местных обществ в продовольствии, предметах роскоши и, главное, невольниках служили издавна существовавшие маршруты – как морские, так и сухопутные. Наиболее известным из всех был Великий шелковый путь, пересекавший степную зону в широтном направлении (и имевший меридиональные ответвления): он использовался для перемещения людей и товаров, распространения идей. Сама степная зона представляла собой вторую полосу, располагавшуюся севернее «цивилизованного» городского мира. К ней примыкала третья – область северных лесов, изобиловавшая ценными ресурсами, такими как невольники и меха. Реки, которые текут с севера на юг, обеспечивали связь между тремя полосами – «лесной», «степной» и «городской» – еще с гомеровских времен, когда янтарь с Балтики уже поступал в Средиземноморье и Причерноморье.

Земли, в конечном счете оказавшиеся под контролем России, стали представлять интерес для евразийских империй в IX веке, с прокладыванием торговых путей между Балтикой

¹ Здесь и далее цитаты из «Государя» даются в переводе Г. Муравьевой.

с одной стороны и Каспийским и Черным морями – с другой. В этом регионе возникло крупное княжество под названием Русь с центром в Киеве – городе на Днепре, по которому проходил важный торговый путь в Византию. Время его наивысшего политического могущества пришлось на XI век. В XII–XIII веках оно, как и многие средневековые государства, распалось на более мелкие княжества в связи с перемещением торговых путей. Этих наследников Киевской Руси притягивали перспективы торговли на западе, в регионах Балтики и верхней Волги. Именно в последнем и возникло Московское княжество, сделавшееся в XV веке региональной державой. Подъем русской империи в какой-то мере обозначил новую стадию имперского строительства в Евразии. Ранее в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, на евразийских просторах, на Дальнем Востоке возникало множество империй, но все они исчезали с течением времени. Римская и Монгольская империи, различные китайские династии могли служить примером успешной экспансии и долговечности, но обычным для Евразии явлением – особенно в степи – были постоянно меняющиеся коалиции, претендовавшие на контроль над частью степной зоны или над сравнительно небольшими регионами. Начиная с XV века обширные континентальные империи стали более эффективно удерживать власть и контролировать степь, благодаря усовершенствованиям в коммуникациях, бюрократическом аппарате, военном деле. С XV по XVIII век империи с оседлым крестьянским населением – Османская, Габсбургская, Сефевидская, Могольская, русская, Цинская – постепенно подчинили себе степь. На страницах нашей книги мы рассмотрим, какую роль сыграла Россия во время этого исторического поворота.

Для создания империи был необходим жесткий контроль со стороны центра, для поддержания ее единства – гибкость в управлении, подразумевавшая целый набор средств (принуждение, привлечение к сотрудничеству, идеология). Крайности встречались нечасто, но и без них имелось множество механизмов мобилизации, если речь шла о властях, и приспособления, если речь шла о подданных. Чарльз Тилли определяет эти средства так: «принуждение, капитал и обязательства» – именно эта формула послужит структурной основой для нашей работы. На практике необходимо было соблюдать баланс между ними. Принуждение было главным средством, оно использовалось постоянно и широко – как для установления контроля (жестокое завоевание, подавление оппозиции), так и для его последующего удержания (взятие заложников, телесные наказания, смертная казнь, создание постоянной угрозы). Однако империям раннего Нового времени не хватало людских ресурсов, чтобы осуществлять контроль при помощи одного принуждения, поэтому на вооружение принимались и другие стратегии, позволявшие утвердить свою легитимность и управлять страной.

Для формирования имперской легитимности решающее значение имела способность утверждать, что такая легитимность уже наличествует. Империи «транслировали» свое могущество, заявляя о своем контроле намного более решительно, чем могли действовать их представители на местах. В имперском центре выковывалась наднациональная идеология, которая обычно ассоциировалась с религией правителей и узкого круга элиты: то была попытка выработать обязательства (пользуясь выражением Тилли). Судя по тому, что отмечают Кэрин Барки и Джеффри Хоскинг в отношении соответственно Османской империи и России, такая наднациональная идеология не идентифицировалась исключительно с иерархами и институтами господствующей религии (если же это происходило, то в ущерб тем и другим). Ее творцы уважали религиозных вождей, конструировали свои ритуалы и свой символический словарь вокруг преобладающей религии, но оставляли идеологический контроль за собой. В этой идеологии правители часто наделялись качествами религиозных лидеров, как и многими другими, династия состояла из харизматических героев, способных защитить царство от врагов, а своих подданных – от несправедливости. Согласно евразийской традиции, справедливость и милосердие, проявляющиеся в судебных решениях и в щедрых дарах, были главными атрибутами

имперских правителей. Мы рассмотрим все эти способы легитимизации идеологии и политической практики в том виде, в каком они существовали в России.

Помимо идеологии, для удержания власти в империи необходимо соблюдать хрупкий баланс между сплоченностью и контролем – Тилли называет это капиталом. Государство создает институты для упорядочения работы рынков, сбора налогов, контроля над населением, пополнения рядов армии и чиновничества, присвоения ресурсов, распределяемых затем между представителями господствующих классов, чтобы вознаградить их или привлечь на свою сторону. Сплоченность среди элиты сохраняется благодаря раздаче денег, поступающих от сбора налогов, и земель, предоставлению разнообразных привилегий. Такие институты, как судебная система и административный аппарат, обслуживают население и одновременно используются для контроля над ним. Подданные могут «приспособиться», по выражению Альфреда Рибера, поступив на военную или гражданскую службу либо выбрав путь культурной ассимиляции. Но в то же время имперский центр старается не допустить слишком большой сплоченности (слишком высокой степени интеграции внутри местных сообществ). Правители империй, как русской, так и Османской (которую изучала Кэрин Барки), стараются идти по среднему пути, привлекая кого-либо к сотрудничеству, поддерживая вертикальные каналы связи между собой и различными общинами, более или менее изолируя последние – и их элиты – друг от друга. Барки называет эту модель «ступица и спицы», Джейн Бербанк говорит об «имперском режиме прав»: правители заключают с каждой группой особую «сделку» (термин принадлежит Брайану Беку) относительно ее обязанностей и прав.

Таким образом, «политика различий» приносит центру прямую выгоду. Если говорить о России, то здесь предметом «сделок» были налоговые ставки, военная служба, сохранение местных религиозных практик, местного самоуправления и элит. Группы, с которыми приходилось иметь дело, были чрезвычайно разнообразными – конные дворяне и их крепостные, донские и украинские казаки, сибирские оленеводы, кочевники-степняки, прибалтийские помещики-юнкеры немецкого происхождения. Каждая находилась в вертикальном подчинении у царя и имела связи в правящих кругах. В теории у подданных не было никаких причин для установления горизонтальных связей за пределами своего класса или территориального сообщества, посредством которых они могли бы наладить взаимопомощь, организовать управление и, что самое важное, сформировать оппозицию режиму. Таким образом, страна оставалась единой, хотя это единство было не слишком прочным, в ней сохранялась внутренняя стабильность. Чтобы максимально эффективно применять эту стратегию, режим должен был проявлять гибкость, постоянно возвращаясь к обсуждению условий «сделок» ввиду меняющихся обстоятельств.

Россия раннего Нового времени заимствовала практики управления из множества источников. Сильное влияние в этом смысле оказали монголы. На протяжении нескольких столетий, последовавших за принятием христианства киевскими князьями (988), различные практики в политической, судебной, культурной, идеологической сферах, а также ритуалы и символические представления перенимались у Византии и у других православных стран. Центральная власть искусно обуздывала народы, крайне непохожие друг на друга в этническом, религиозном и языковом отношении.

И последний вопрос, который мы затронем во введении: почему Россия приступила к строительству империи? В наши дни среди историков задавать его не принято: любой ответ имел и до сих пор имеет политическую окраску. Экспансия России оказалась чрезвычайно масштабной и быстрой. В течение одного лишь XVII века ее первопроходцы промчались через азиатский континент с запада на восток, и Россия поставила под свой контроль всю Сибирь, а также дальневосточное побережье и Аляску. На юге у Османской империи была отвоевана часть побережья Черного моря, на западе Россия вместе с европейскими партнерами осуществила три раздела Речи Посполитой. В работах времен холодной войны эта экспансия рассмат-

ривалась как мессианская, конечной ее целью считалось покорение всего мира. Одни исследователи связывают буйный экспансионизм России с «византийским наследием» (неверно понимая византийскую идеологию), другие вспоминают о призывах Маркса к установлению социализма по всем миру или подхватывают его осторожные замечания об азиатском пути к социализму, развивая на их основе теорию «азиатского деспотизма», третьи указывают на концепцию «Москва – третий Рим» («Москва – третий Рим, а четвертому не быть») как доказательство намерения Москвы управлять всем миром, хотя данная фраза почти не имела хождения при дворе и получила некоторое распространение лишь в XVII веке в консервативных кругах.

При таком нормативном подходе не учитывается тот факт, что и соседи Московского государства строили империи – Османскую, Могольскую, Сефевидскую, а европейские державы обзаводились колониями в Новом Свете, Южной и Юго-Восточной Азии и захватывали земли в самой Европе. Что касается Европы, там основанием для экспансии служили религиозные соображения (XVI век), затем меркантилизм (XVII век) и, наконец, смесь реальной политики и только начинавших появляться националистических и расовых теорий (XVIII век). Государства расширяли свою территорию, как только это становилось возможным благодаря усовершенствованиям в мореплавании, военном деле, административном контроле, системе сбора налогов.

Россия создавала империю по тем же причинам, что и ее соседи, а именно – чтобы добиться выгод для правителя и элиты и заполучить ресурсы для государственного строительства, которое было одним из главных отличительных признаков раннего Нового времени в Европе и Евразии. Для России это означало захват прибыльных торговых путей – речных и сухопутных, – городов и портов, покорение богатых ресурсами областей (таких как Сибирь), продвижение на юг с его пастбищами на плодородных землях, которые хорошо подходили для земледелия, и к Великому шелковому пути, и на запад, к балтийским портам. Эти завоевания сопровождалась самой разнообразной риторикой: возвращение «отчих земель», борьба с «неверными» (XVI век), погоня за славой (XVIII век). Однако если внимательно посмотреть на направления и хронологию российской экспансии, становится ясно, что в каждом случае для нее имелись экономические и политические мотивы.

Утверждения о российском «деспотизме» выглядят устаревшими, но все же многие историки могут оспорить предложенный здесь подход, указав, что Россия была «унитарным» государством, где действия властей не сдерживала ни одна сколь-нибудь заметная политическая автономия. На принуждении со стороны центра особенно склонны делать акцент те, кто изучает историю различных народов, входивших в состав империи: теперь, после распада СССР, это можно делать беспрепятственно. Точно так же в постсоветской России отдельные исследователи сосредотачиваются на власти правителя, не принимая во внимание недавних работ, где подчеркивается, сколь важны были для придворной политики родственные и дружеские связи. В подобных трудах имеющиеся факты истолковываются не так, как в этой книге: я полагаю, что в раннее Новое время сильный центр не мог эффективно осуществлять контроль без значительных уступок элите, а длительный контроль с помощью силовых методов был вообще невозможен: для этого попросту не хватало коммуникаций и людских ресурсов. Таким образом, мы утверждаем, что могущество и стабильность России как империи были следствием синергии между сильной центральной властью и властью местной, которой во многих случаях предоставляли существенную свободу. Государство располагало неделимым суверенитетом, когда речь шла о принципиальных вопросах, связанных с управлением: об уголовном праве, налогообложении, наборе войска, обороне. Как мы покажем, русская империя упорно стремилась сохранять за собой контроль на этом уровне, вводя единое для всей обширной страны законодательство и создавая единый административный аппарат, в то время как европейские державы не препятствовали складыванию местной знати и формированию локальных центров

власти. Но для того, чтобы сохранять равновесие внутри этой идеологической и административной структуры, империя разрешала местным сообществам самостоятельно решать многие повседневные проблемы и зависела в этом от них. Если примерить к России той эпохи современный термин «великая держава», то придется признать, что она *была* ею – именно благодаря сильному центру, допускавшему локальные различия и контролировавшему их.

Итак, наш подход заключается в том, чтобы проследить за формированием русской империи как «империи различий». Он требует предельного внимания к практикам управления, но одновременно – учета различий между народами, населявшими страну. От нас также потребуются гибкость: исследуя, каким образом Москва осуществляла свою власть и как это отражалось на ее подданных, мы попытаемся рассмотреть взаимодействие между ними, проследить за разработкой и применением различных политик для различных регионов, выяснить, как государство меняло политику по отношению к подданным в связи с появлением новых экономических реалий, геополитических нужд и идеологий. Кроме того, евразийскую империю невозможно понять вне глобального контекста, в который входят торговые пути и геополитическое взаимодействие; мы будем постоянно держать в уме этот контекст.

При описании того, как московские великие князья и цари подчиняли себе региональную власть, мы будем применять хронологический подход, делая отступления тематического характера. Несмотря на существование множества работ на русском, украинском и других языках постсоветского пространства, мы включили в библиографию преимущественно англоязычные труды как самые доступные для наших читателей. Тем не менее, в ней присутствуют важнейшие труды на русском, упоминаемые в тексте.

В части I дается описание территорий и народов, которые русская империя вобрала в себя с XV по XVIII век. В части II мы рассмотрим имперский центр и структуры управления в период их формирования, то есть в XVI и XVII веках, подробно остановимся на ключевых институтах и практиках в таких сферах, как идеология, государственная администрация, экономика и торговля, религия, общественная жизнь. В части III, посвященной 18-му столетию, самому блестящему для империи, мы коснемся классического водораздела в русской истории. Считается, что Петр I (годы правления 1682–1725) совершил настоящую революцию. Мы так не полагаем – при нем сохранялась преемственность в базовых аспектах государственного строительства (имперская экспансия, институты управления, мобилизация ресурсов, терпимость к различиям). Но это столетие выделяется своим динамизмом: население страны заметно увеличилось за счет как естественного роста, так и территориальных приобретений, наблюдался бурный экономический рост, благодаря Просвещению появились новые дискурсы, модели управления и культурные образцы. Мы увидим, как обновлялся официальный имперский дискурс, как стратегии управления менялись в зависимости от новых завоеваний и появления новых идей, как возникали новые социальные категории и роли. В конце мы рассмотрим представления правителей и литераторов относительно значения империи и идентичности в том виде, в каком они сложились к 1801 году.

* * *

Есть несколько превосходных трудов, посвященных русской империи, в которых проводятся неявные параллели с государствами Европы и Нового времени: Lieven D. *Empire: The Russian Empire and its Rivals*. London: J. Murray, 2000; Hosking G. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. Авторы, стремящиеся к ценностно-нейтральному подходу: Becker S. *Russia and the Concept of Empire // Ab Imperio*. 2000. № 3–4. P. 329–342; Miller A. *The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by K. Matsuzaki*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido

University, 2007. P. 19–32; *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. English edn. rev. and enl. Budapest: Central European University Press, 2008, особенно глава «The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism», p. 161–179. По широте охвата и синтезу выделяется труд: Rieber A. *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

О клише «деспотизма»: Pое М. *A People Born to Slavery // Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000; Kollmann N. *The Concept of Political Culture in Russian History // A Companion to Russian History / Ed. by A. Gleason*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 89–104. Обзор современных взглядов на придворную политику см. в дискуссии между Валери Кивельсон и Маршаллом По: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. № 3. P. 473–499. О концепции «Третьего Рима»: Pое М. *Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 49. P. 412–429.

О концепции империи: Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010; Burbank J. *An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. № 7. P. 397–431; Stanziani A. *Bâtisseurs d'empires: Russie, Chine et Inde à la croisée des mondes, XVe – XIXe siècle*. Paris: Raisons d'agir, 2012.

О ранних империях: Allsen T. *Pre-modern empires // Bentley J. The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 361–378. Прасенджит Дуара считает, что империи раннего Нового времени и Нового времени существенно различались между собой (Duara P. *Modern Imperialism // Bentley J. The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 379–395), но Бербанк и Купер (*Empires in World History*) настаивают на их преемственности в эпоху становления национальных государств.

О широком понятии империи в России: Kivelson V. *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. О «сепаратных сделках»: Voeck B. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Ч. Тилли о государственном строительстве в раннее Новое время: Tilly C. *States, State Transformation, and War // Bentley J. The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 176–194; Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.*

Об Османской империи: Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Kafadar C. *Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State*. Berkeley: University of California Press, 1995. О восприятии монгольских и индийских традиций Великими Моголами: Wink A. *Postnomadic Empires: From the Mongols to the Mughals // Tributary Empires in Global History / Ed. by P. Bang, C. Bayly*. Oxford: Palgrave Macmillan, 2011. P. 120–131; Wink A. *Akbar*. Oxford: One World, 2009. О Китае: Brook T. *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties*. Cambridge, Mass., and London: Belknap Press, Harvard University Press, 2010.

Пролог

Хронологические рамки

В нашей работе мы будем придерживаться тематического подхода, при этом темы мы будем рассматривать в хронологическом порядке, а подробное изложение событий останется на заднем плане. Иногда оно будет встречаться внутри глав: так, например, в главах 7 и 13, посвященных имперской идеологии, мы прервемся, чтобы рассказать о превратностях наследования престола, скрывавшихся за уверенными притязаниями на богоданную власть, которая беспрепятственно передается преемнику. В некоторых случаях события и институты упоминаются для того, чтобы читатель мог получить базовый запас знаний. Пролог же представляет собой краткий обзор истории России в раннее Новое время, данный по хронологическому принципу и сосредоточенный на политических обстоятельствах: сначала мы касаемся внутренних событий, затем внешней политики.

ВНУТРЕННИЕ СОБЫТИЯ

Великое княжество Московское – современные англоязычные исследователи часто пользуются термином «Muscovy», «Московия», применительно к России до 1700 года, что отражает английское словоупотребление XVI века, – сделалось региональной державой в XIV веке вследствие ослабления Монгольской империи, которая с 1240-х годов господствовала на пространстве, ныне занятом Европейской Россией. Восточнославянские княжества подчинились самому западному улусу этой империи, столицей которого был Сарай в низовьях Волги; правильное его название – Кипчакский каганат, самое распространенное – Золотая Орда. С начала XV века московские великие князья, опираясь на приближенных, упрочивали свою власть и покоряли близлежащие княжества (великое княжество Тверское, Новгород – крупный торговый центр), о чем подробно говорится в главе 2. Налоги, собираемые князьями с крестьян, проживавших на этих редконаселенных территориях, были невелики – необходимо было дополнять их поступлениями от транзитной торговли, которая велась вдоль крупных рек. По этой причине территориальная экспансия происходила постоянно. Расширение владений в направлении основных центров торговли, речных путей, территорий, богатых ресурсами (меха, полезные ископаемые, плодородные почвы) являлось неизменным императивом для Московского государства, которое в XVI веке приобрело Поволжье и часть Сибири, в XVII – большую часть Сибири вплоть до Тихого океана, земли у Черного моря и в прикаспийских степях, в XVIII веке установило контроль над северным побережьем Черного моря, Крымом, Северным Кавказом, землями, сегодня относящимися к Украине, Белоруссии и Литве, и даже обзавелось владениями в Северной Америке, на другом берегу Тихого океана (см. карты 2–5).

Московские великие князья (с 1547 года именовавшиеся царями) правили страной, где всегда не хватало людей для армии и бюрократического аппарата и тем более – для производительного труда, обеспечивающего налоговые поступления. Государство всецело сосредоточилось на мобилизации скудных ресурсов, поэтому общественное устройство в раннее Новое время долго оставалось очень примитивным (см. главу 9). Офицерский корпус армии состоял из представителей землевладельческой элиты; крестьянская экономика была настолько автаркичной, ориентированной на внутренние нужды, а внешняя торговля так жестко контролировалась государством, что городской средний класс сформировался лишь в малой степени. Начиная с Ивана III (1462–1505), власть оказывала элите поддержку, раздавая конным воинам земельные наделы и крестьян, а взамен требуя службы; эти наделы назывались поместьями. На протяжении следующих столетий крестьяне постепенно закрепощались, чтобы военная элита

располагала трудовыми ресурсами (см. главу 10). Государство создало на всей своей территории сильную, хотя и слаборазветвленную бюрократическую систему; представители конной элиты стали появляться не только в армии, но и в местных государственных учреждениях, опираясь на канцелярских служащих. Каждый подданный великого князя был обязан служить государству, платя налоги и предоставляя услуги (крестьяне и горожане) либо участвуя в военных и торговых предприятиях (землевладельческая элита, крупные купцы).

В то время как в XV веке происходило расширение и укрепление контроля над соседями и внутри правящей семьи, XVI век был периодом административной организации и завоевания важных неславянских торговых центров. Иван IV, царствовавший в 1533–1584 годах, заслужил прозвище «Грозный», и не случайно: историки до сих пор поражаются его жестокости, символом которой стала опричнина (1564–1572). Разделение страны, войска и элиты на две части привело к хаосу, усугубленному долгой Ливонской войной (1558–1581). Династия угасла вместе с сыном Ивана IV, Федором Иоанновичем (1584–1598). Отсутствие правил наследования вызвало политический кризис, который, в свою очередь, привел к социальным потрясениям и иностранному вторжению – «большие люди» и боярские семейства целое десятилетие не могли договориться между собой относительно того, кто станет законным правителем. Смутное время (1598–1613; см. настоящий раздел и главу 6) стало периодом кратких царствований, причем смена власти не всегда была мирной: Борис Годунов (из московских бояр; 1598–1605), Лжедмитрий I (претендент на престол, 1605–1606), Василий Шуйский (из московских бояр; 1606–1610), захват поляками Кремля и переговоры с польским королем Сигизмундом Вазой и его сыном Владиславом (1610–1613). После этого бояре пришли к соглашению, трон заняла династия Романовых, и вскоре государство смогло восстановить стабильность в стране.

Стремясь к стабильности, новая династия сохранила прежние государственные институты (централизованный бюрократический аппарат, крепостное право, пристальный контроль над ресурсами), элиты (бояр и поместную конницу) и цели (территориальную экспансию). Были произведены военные реформы, начались социальные преобразования, происходил экономический рост. Господствующая культура и господствующая идеология по-прежнему основывались на учении Русской православной церкви, и на протяжении XVII столетия формы, в которых находила свое выражение культура, оставались явно «средневековыми», если сравнивать Россию и значительную часть ее европейских соседей. Светского искусства, как и письменности или науки, не существовало; культурное самовыражение определялось в основном религией – это касалось искусства, архитектуры, агиографии, истории. Книгопечатание не приветствовалось ни церковью, ни государством; Россию не затронула бурная протестантская Реформация XVI века, хотя к концу XVII века она нашла здесь кое-какой отклик и оказала определенное влияние (см. главу 13). Но за фасадом традиции шли перемены. В XVII–XVIII веках империя постепенно становилась многоэтнической и многоконфессиональной: ее населяли мусульмане, буддисты, католики, лютеране, иудеи, говорившие на самых разных языках, включая украинский, белорусский, татарский, языки народов Сибири, польский, немецкий. Из Украины проникали новейшие европейские тенденции в области искусства, архитектуры, политической мысли.

Петр I (1672–1725) рос в атмосфере перемен, которые сделали возможными прославившие его имя реформы. За одно поколение он произвел культурную европеизацию элит, заимствовал из Европы одну из разновидностей «абсолютистской» политической мысли, создал громадные по размерам армию и флот, ориентируясь на европейские образцы, реорганизовал центральные государственные институты. Все это было призвано служить долгосрочным политическим целям России – расширению империи и мобилизации ресурсов – без угрозы для самодержавной власти или православной веры. Петр совершил небольшие, но очень важные территориальные приобретения и добился геополитического господства в Центральной Европе, которое затем укрепил, приняв титул императора и предпочтя название «Россия»

слову «Русь», что подчеркивало многоэтничный характер империи. В XVIII веке наблюдались колоссальный экономический рост и грандиозные культурные изменения; идеи европейского Просвещения в их различных вариантах – немецком и французском, камералистском и либеральном, религиозном и светском – проникали в небольшую, но все более активную европеизированную элиту, состоявшую из помещиков. Распространялись светские формы культурного самовыражения – создание портретов, написание мемуаров и од, рассказов и романов. В течение всего столетия деятели науки пытались изобрести более гибкий литературный язык. Книгопечатание получило поддержку государства, церкви и общества; в 1724 году Петр Великий основал Академию наук, членами которой становились иностранные, а впоследствии и русские этнографы, картографы, филологи, историки и другие ученые. Екатерина II, царствовавшая в 1762–1796 годах, стала своего рода образцом российского монарха XVIII столетия – приверженца самодержавия и территориальной экспансии, решительно настроенного укреплять российское могущество в Европе и Евразии, сторонника камерализма в государственном управлении, просвещенного правителя, когда речь шла о культуре. Покровительствуя сатирическим журналам и театру, она и сама сочиняла нравоучительные пьесы. Ее сын Павел I (1796–1801) отвергал все, что было связано с матерью и ее проектами, но сохранил основные направления территориальной экспансии России (западное, южное, восточное), централизованное управление и оказавшийся долговечным сплав европейско-ориентированной культуры и православия.

РОССИЯ И МИР В XV–XVII ВЕКАХ

Этот беглый обзор внешней политики по XVII век включительно не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим: даже в эти столетия, до малопонятных альянсов XVIII века, основанных на «балансе сил», она порой бывала головокружительно сложной. Мы ограничимся общими тенденциями. В московский период у России было немного постоянных проблем, требовавших решения. Среди них обеспечение выхода к Балтийскому морю, которое привело к столкновению с западным соперником, Великим княжеством Литовским и (на протяжении этих столетий – в меньшей степени) со Швецией, могущество которой росло; сдерживание набегов степняков – крымских татар, Большой Орды, ногайцев и других; захват крупнейшего центра торговли на Средней Волге – Казани и установление контроля над торговыми путями, которые вели от нее в Сибирь и к низовьям Волги.

Для европейских и евразийских соседей России она только-только начала представлять интерес. В XV веке центральноевропейские державы мало что знали о Великом княжестве Московском – путешественники начали посещать его и записывать свои впечатления лишь в конце этого столетия. В 1486 году Максимилиан I, император Священной Римской империи, профинансировал поездку – в своем роде разведывательную – Николая Поппеля. Узнав от Поппеля, что Иван III – монарх, с которым следует считаться, Максимилиан в 1489 году отправил его обратно, уже в качестве официального посла. Европейские правители интересовались Россией по двум причинам. Священная Римская империя хотела заручиться ее поддержкой против Польши и Литвы и одновременно против Османской империи, тогда как папство стояло за религиозную унию с Римом и/или антитурецкий крестовый поход. Инициативы такого рода выдвигались в течение всего XVI века.

Первое заметное вмешательство России во внутриевропейские международные отношения состоялось в 1472 году, когда Святой Престол предложил Ивану III вступить в брак с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора. Воспитанница папы, она выросла в Риме, и ее православная вера, возможно, испытала влияние католицизма; папа надеялся сформировать антитурецкий союз, а также некую религиозную унию наподобие Ферраро-Флорентийской 1444 года, которую Россия отвергла. Иван III принял предложение, кото-

рое сулило престиж и доступ к накопленному Западом техническому опыту, но ничего более существенного Рим не получил.

При Иване III Москва и сама активно стремилась к заключению международных союзов против Польши и Литвы. В 1470-х годах Россия установила связи с Молдавским княжеством, дочь молдавского господаря стала супругой сына московского правителя (1483). Иван III не стал сразу же отказываться от антипольского союза, предложенного Максимилианом I, но испытывал сомнения – император выдвигал слишком много условий. Вероятно, самым значительным его союзом стал союз с Крымским ханством (1480) – Москва и Крым намеревались вместе противостоять Польше с Литвой и Большой Орде, еще одной могущественной силе на просторах степей. Крымчане напали на Великое княжество Литовское, а московские войска сошлись с ордынскими на реке Угра; результатом стало малоинтересное стояние, которое тогдашние летописцы расценивали как поражение, а более поздние русские историки объявили «концом монгольского ига». Но в конце XIV века стал разрушаться Кипчакский каганат, а к середине следующего столетия громадная империя монголов распалась на несколько крупных государств, включая Китай, Индию и Персию; независимость получили и части бывшего Кипчакского каганата (Большая Орда, Крымское, Сибирское, Казанское ханства). Союз Крымского ханства с Москвой против Польши и ее союзника – Великого княжества Литовского – существовал до 1513 года.

В отношении Швеции дипломатия Ивана III действовала неудачно. Он вступил в союз с Данией против Швеции (1496), что привело к недолгой войне без определенных результатов. Наконец, в 1508 году было заключено 60-летнее перемирие, что позволило России сконцентрироваться на борьбе с Литвой за Балтику. Конфликт с Литвой никогда не затухал; в 1480–1490-е годы многие князья, исповедовавшие православие, покидали литовского великого князя, чтобы служить московскому государю, так что последнему доставались стратегически важные приграничные земли. Иван III попытался установить мир между обоими государствами, выдав свою дочь Елену за великого князя Александра (с 1501 года – короля Польши), но войны все же велись – в 1500–1503 годах и в 1512-м. Согласно перемирию, положившему конец военным действиям (1522), Москва получила контроль над территориями, которые принадлежали переметнувшимся православным князьям (Новгород-Северский, Чернигов, верховья Оки), и над городами, захваченными в боях, в том числе Смоленском и Брянском.

Сигизмунд фон Герберштейн, выдающийся дипломат, служивший Габсбургам, побывал в Москве в 1526 году, проведя переговоры относительно продления перемирия и вступления России в антитурецкий и антипольский союзы, но никаких формальных договоренностей достигнуть не удалось. Точно так же не увенчались успехом и папские инициативы насчет участия Московского государства в антитурецком крестовом походе (конец 1490-х и 1510-е годы).

Что касается вожденного торгового пути по Волге, то здесь Москва в конце XV и первой половине XVI века вмешивалась в казанские династические распри (этим же занималось и Крымское ханство). В 1513 году Крым, обеспокоенный ростом могущества Москвы, перешел на сторону Великого княжества Литовского – и стал грозным врагом, совершавшим набеги на южной границе, а также соперником за влияние в Казани. В конце концов Россия покорила Казань (1552) и Астрахань (1556), о чем подробнее говорится в главе 3. На протяжении двух последующих веков ей приходилось сооружать защитные линии: против степняков – в Приволжье, против башкир, калмыков и казахов – в прикаспийских степях. Одновременно с этим русские войска, часто следуя за зверопромышленниками, проникали в Сибирь и к концу XVII столетия дошли до Тихого океана.

Менее блестящим эпизодом царствования Ивана IV была Ливонская война (1558–1581), в которой участвовали крупнейшие балтийские державы – Россия, Швеция, Речь Посполитая (существовавший с 1569 года союз Польши и Литвы, до этого уже связанных между собой династически), Дания: все они стремились к захвату Ливонии, которая примерно соответ-

стует современным Эстонии и Латвии. Эти земли в Прибалтике, находившиеся под властью Ливонского ордена, стали уязвимыми в 1561 году, когда рыцари решили секуляризировать орден и признали свою вассальную зависимость от Польши и Литвы. Вначале Россия сделала территориальные приобретения, но потом потерпела ряд поражений от Швеции и Польши с Литвой; Иван IV был вынужден капитулировать и попросил иезуита Антонио Поссевино, папского представителя, уже установившего контакты с другими воюющими сторонами, стать посредником на мирных переговорах, которые завершились в 1582 году. Условия Ям-Запольского перемирия оказались тяжелыми для России: ей пришлось вернуть все завоевания в Ливонии, большая часть которой отошла к Речи Посполитой. В 1583 году было заключено перемирие со Швецией, оставившей за собой Эстляндию (сейчас в составе Эстонии) и вновь захваченные земли, примыкавшие к Финскому заливу – от Нарвы до Ладоги.

Российская внешняя политика в XVI веке была осмотрительной и целенаправленной, удар по ней нанесла лишь опричнина, приведшая к хаосу в стране (1560-е годы). Но уже в начале XVII столетия можно было наблюдать все что угодно, кроме хорошо отрегулированной, продуманной внешней политики. Конец династии (1598) открыл дорогу к Смутному времени. В 1604 году в страну вторглись личные отряды польских магнатов, поддержавших первого «претендента» на престол; польский король официально объявил войну в 1610 году, после того как царь Василий Шуйский (1606–1610) пошел на союз со Швецией и та прислала свои войска (1609). К тому времени как ситуация успокоилась (1613), Россия потеряла территории в пользу обеих держав.

По Столбовскому трактату, заключенному со Швецией в 1617 году, Россия уступила ей новые земли на южном берегу Финского залива, но сохранила Новгород и другие города в глубине континента, ранее занятые шведами. Сложнее оказалось добиться прочного мира с Речью Посполитой. Деулинский трактат 1618 года провозглашал 14-летнее перемирие, но польско-литовское государство не отказывалось ни от занятых территорий (Смоленск, Северские земли), ни от претензий на российский престол, предъявлявшихся королевичем Владиславом. В 1630-е годы, когда срок перемирия истек, Россия попыталась заключить против Речи Посполитой масштабный союз с участием Швеции, Крыма и даже Османской империи. Из этого ничего не вышло, как и из войны, начатой Россией с целью отвоевания Смоленска: мирный договор 1634 года дал России лишь отказ Владислава (к тому времени ставшего польским королем) от претензий на трон, а приобретения, совершенные Речью Посполитой в 1618 году, были подтверждены.

В течение следующих двух десятилетий Романовы старались сохранять нейтральные отношения со Швецией и Речью Посполитой, сосредоточившись на строительстве оборонительных линий против крымчан и удерживая донских казаков, своих вассалов, от открытого противостояния с Османской империей. Когда казаки захватили турецкую крепость Азов (1637), Россия приказала оставить ее (1642) и до конца столетия препятствовала, как могла, набегам на турецкие земли – в частности, увеличивая денежные субсидии и поставки продовольствия казакам, а также ужесточая военный контроль над ними.

Вторая половина столетия – о чем мы поговорим в главе 3 – была отмечена войнами, толчок к которым дало восстание Богдана Хмельницкого в «русских» (украиноязычных) землях Речи Посполитой, начавшееся в 1648 году. Нашествие следовало за нашествием: Россия вторглась в Литву (1654), Швеция – в Польшу и прибалтийские земли (1655), вслед за чем Россия объявила войну Швеции (1656), рассчитывая получить часть балтийского побережья. Последний конфликт был улажен сравнительно быстро: по условиям Кардисского мира (1661) Россия уступала Швеции занятые ею территории в Ливонии (Динабург, Юрьев/ Дерпт). Османская империя также вступила в борьбу, начатую Хмельницким, желая удержать свои вассальные княжества – Молдавию и Валахию – и недавно приобретенную Подолию. Русско-турецкая война (1676–1681) завершилась Бахчисарайским перемирием 1681 года, фактически ничьей:

казаки Хмельницкого, занявшие левый берег Днепра с Киевом, оставались под контролем России, но сохраняли существенную автономию, тогда как запорожские казаки попали в вассальную зависимость от Турции.

Главным фронтом войн XVII века для России был польско-литовский, и здесь она добилась решительного успеха. По Андрусовскому перемирию (1667) Речь Посполитая признавала потерю Левобережной Гетманщины и уступала обширную полосу земель, принадлежавших Литве, с белорусскоязычным населением, включая Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов. Таким образом, Россия возвратила то, что утратила в Смутное время. Это было закреплено «Вечным миром» (1686): польский король Ян Собеский дал согласие на него, рассчитывая вовлечь Россию в антитурецкую Священную лигу. До этого Россия отвергала подобные предложения, но теперь согласилась, считая, что Османская империя и Крым в достаточной мере ослабли. Образовался союз в составе Речи Посполитой, Австрии, Венеции и России; последняя выполнила свои обязательства, совершив походы в Крым (1687, 1689) – правда, неудачные. Азовские походы Петра I, предпринятые в 1695 и 1696 годах (крепость была взята, но возвращена Турции в 1711 году), стали еще одной попыткой достичь успехов на традиционном направлении – южные степи, Черное море, – при соблюдении в то же время условий союза.

В конце XVII века позиции России были прочными, несмотря на неудачи в Крыму. Начиная с «Вечного мира» 1686 года, она стала могущественнее Речи Посполитой, а политические неурядицы в последней создавали новые возможности для удовлетворения территориальных притязаний России в отношении Балтийского побережья и южных степей.

РОССИЯ И МИР В XVIII ВЕКЕ

В течение XVIII века внешнеполитические задачи России определялись долгосрочными устремлениями и сиюминутными возможностями. Бум на европейских рынках означал, что борьба за Балтику продолжится, а внимание России по-прежнему будет сосредоточено на Черном и Каспийском морях. В это столетие преобладала внешняя политика, основанная на «балансе сил», и Россия стала одним из европейских геополитических игроков. Общее противостояние польско-литовскому государству и одновременно – Османской империи привело к союзу с Австрией; Пруссия также враждовала с Речью Посполитой, но оказалась менее надежным партнером. Кроме того, Россия обычно выступала на стороне Великобритании – обе страны вели оживленную торговлю.

Петр I, царствовавший в 1682–1725 годах, впервые выступил как дипломат инкогнито, предприняв вместе с Великим посольством путешествие по Европе, во время которого брал на службу инженеров и военных специалистов и встречался с монархами в Бранденбурге, Лондоне, Дрездене, Вене, стараясь втянуть их в антитурецкую коалицию. Сделать это не удалось, но Саксония, по мысли Петра, могла принести пользу в кампании против Швеции. В конечном счете образовался союз России, Польши и Дании, к которым присоединились менее значительные державы – Пруссия, Ганновер и Саксония. Противником их был молодой и энергичный Карл XII, располагавший самыми современными сухопутными и морскими силами в Балтийском регионе. Во время Великой Северной войны (1700–1721), как ее стали называть позже, крупнейшие державы (Османская империя, Великобритания, Голландия, Франция) поддержали Швецию, Габсбурги же остались вне конфликта, пребывая в нервном ожидании. Россия выполнила свои обязательства, проведя несколько сражений со Швецией на море и на равнинах польско-литовского государства. Судьбоносным событием стало поражение Карла XII под Полтавой (1709) – с ним в основном завершилось участие России в Великой Северной войне, и в 1710-е годы она велась на других фронтах. Все завершилось Ништадтским миром (1721). Россия получила Ливонию (Лифляндию и Эстляндию) и часть Карелии, включая побережье Финского залива, на котором Петр I в 1703 году основал Санкт-Петербург, что было смелым

поступком. В 1721 году он принял титул императора, и в течение нескольких десятилетий Россия добивалась признания этого титула со стороны европейских стран: Пруссия и Голландия сделали это сразу, Швеция – в 1723-м, Саксония – в 1733-м, Османская империя – в 1741-м, Австрия и Великобритания – в 1742-м, Франция и Испания – в 1745-м. Польша держалась до 1764 года.

Великая Северная война сделала Россию главной силой в Центральной Европе и обозначила начало упадка Швеции в геополитическом смысле. Последующие шведско-русские войны (1741–1743 и 1788–1790) принесли России небольшие территориальные приобретения в Финляндии, незначительные с точки зрения региона. Успехи на Балтике скрывали неудачи Петра в Причерноморье и Прикаспии. Так, к примеру, в самый разгар Северной войны (1710) Петр стал угрожать Османской империи войной, если та не выдаст раненого Карла XII, укрывшегося в Стамбуле. Турки распознали блеф и в следующем году нанесли России тяжелое поражение на реке Прут, заставив Петра отказаться от Азова и прав на него (1711). Такой же кратковременной, как и приобретения на Черном море, была борьба с непрочной Сефевидской империей. В 1715 году Россия направила в Персию торговую миссию, а в 1722-м объявила ей войну, заняв Дербент и Баку, а также южное и юго-восточное побережье Каспийского моря. Но все это пришлось вернуть в 1733 году в обмен на поддержку Персии во время очередной русско-турецкой войны (1737–1739) – первой в этом столетии.

При преемниках энергичного Петра военная активность России снизилась – следовало привести в порядок государственный бюджет. При этом не останавливалось покорение Сибири, усиливался контроль над Башкирией и степными областями. Но самые жаркие события происходили на западе. В середине XVIII века российские правители отвлеклись на защиту своих династических связей в Центральной Европе, установленных Петром, особенно с герцогами Голштинии и Мекленбурга. Союзы постоянно видоизменялись – европейские державы искали равновесия в смысле распределения территорий и регионального влияния. В 1720–1760-е годы Россия, как правило, являлась близким союзником Австрии; обычно противниками были Швеция, Франция и Османская империя, но коалиции постоянно варьировались. В 1750-е годы Россия была втянута в Семилетнюю войну (1756–1763), выступив вместе с Саксонией, Австрией и Францией против недавно возникшего британско-пруссского союза, который нарушил баланс сил в Европе. Война закончилась плохо для Пруссии, европейские державы успокоились – внезапного претендента на господство удалось сдержать. Однако в самый разгар военных действий (1762) Петр III поставил все с ног на голову, выйдя из войны и заключив союз с Пруссией. Это обуславливалось как династическими связями (Голштиния), так и экономическими соображениями (расходы на войну были непосильными). Его преемница Екатерина II извлекла пользу из создавшегося положения, хотя внешнеполитическая конфигурация была уже другой. Благодаря русско-прусскому союзу Австрия и Франция не смогли совершить чрезмерно большие территориальные приобретения, а баланс сил на континенте сохранился; помимо этого, он послужил русским интересам на Балтике и на западе. Почти до самого конца столетия Екатерина проводила крайне успешную «реальную политику»: союзы с Пруссией и Габсбургами облегчили расширение страны за счет Речи Посполитой и завоеваний в Причерноморье.

Россия извлекла огромную выгоду из ослабления Речи Посполитой. Последняя, пошатнувшись во второй половине XVII века из-за вторжений и войн, уступила России Левобережную Гетманщину, а ее надломленная политическая система создавала возможности для вмешательства извне. Россия, Бранденбургско-Прусское государство, находившееся на подъеме, Габсбурги и Франция стремились повлиять на решения сейма (парламента), который выбирал короля. Целью было не дать Польше превратиться в эффективное современное государство, сильное в военном отношении; для этого Россия, начиная с Петра I, прямо вмешивалась в процесс выборов монарха. Так, в 1717 году, чтобы Россия могла навязать сейму свою про-

грамму, смысл которой состоял в подрыве могущества короля, армии и дворянского правительства, место проведения собрания окружили русские солдаты – это собрание получило название «Немого сейма». Далее Петр стал заключать договоры о сотрудничестве с Пруссией (1720), Турцией (1720), Швецией (1724) и Австрией (1726), чтобы помешать внутренним реформам в Речи Посполитой, под циничным предлогом защиты ее «золотых вольностей», препятствовавших централизации страны и приводивших к параличу власти. Таким образом, никакие существенные преобразования там были невозможны. В течение всего столетия Россия и другие державы манипулировали королевскими выборами и подкупали дворянские партии, стараясь сохранить парализующее *liberum veto* в сейме и разжигать мятежи («конфедерации»), которые соответствовали интересам России. Русские послы в Варшаве систематически создавали препятствия для политических и экономических реформ.

Антипольскую политику России охотно поддерживала Пруссия, заинтересованная в том, чтобы соединить две географически разобщенные части страны – герцогство Бранденбургское и собственно Пруссию – и отнять у Речи Посполитой «королевскую Пруссию», Гданьск и Самогитию на Балтике, а также плодородные земли в центральной Польше. Для этого она совершала умелые дипломатические ходы. В 1657 году ей удалось покончить с вассальной зависимостью от Польши, убедив Габсбургов присвоить бранденбургскому герцогу титул «короля Пруссии» (1701). С 1770 года Пруссия активно вмешивалась в польскую политику, взаимодействуя с Австрией и Россией, и получала свою долю во время каждого из трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). Что касается Австрии, то Речь Посполитая не была для нее ощутимой угрозой, однако она сотрудничала с остальными двумя державами, чтобы получить территории и поддержку против Османской империи.

Российская политика, нацеленная на контроль над Речью Посполитой, была действенной в течение всего столетия; политические силы внутри последней к 1760-м годам оказались настолько разобщенными, что Россия и Австрия воспользовались войной с Османской империей, перекинувшейся на территорию Речи Посполитой, и осуществили первый раздел Польши (1772). В 1788 году, когда три имперские державы отвлеклись на войны и революции в других местах, либерально-реформистские силы Речи Посполитой ухватились за эту возможность – лучшую за весь XVIII век, – чтобы навести порядок в государственных делах. Созвав сейм и удлинив срок его полномочий – четыре года вместо обычных двух (1788–1792), – а также произведя манипуляции с правилами работы парламента, они добились принятия радикальной по характеру конституции от 3 мая 1791 года. Предполагалось, что результатом реформ станут современный налоговый режим, централизованное государство, постоянная армия, эффективные республиканские представительные институты. Сочтя конституцию «якобинской», Россия и Пруссия послали свои силы для воспрепятствования реформам (второй раздел Польши, 1793 год). Тадеуш Костюшко поднял восстание, за которым сразу же последовали новое вторжение и третий раздел (1795). Польша перестала быть суверенным государством, Россия получила всю нынешнюю Беларусь, земли, населенные литовцами, и большую часть современной Украины.

На традиционном для России южном – степном – направлении экспансии основное внимание приходилось уделять Османской империи. Все более уязвимая, она уже в конце XVII века утратила Венгрию и Трансильванию в пользу Габсбургов, а по Карловицкому миру (1699) – также Подолию, недавно отнятую у Речи Посполитой. На протяжении XVIII века в империи происходили такие процессы, как ослабление центральной власти, рост государственного долга, возникновение региональных центров власти. Три масштабные войны с Россией (1735–1739, 1768–1774, 1787–1792) завершились уничтожением турецкого флота при Чесме (1770) и потере контроля над черноморским побережьем от Днестра до Кубани, согласно Кючук-Кайнарджийскому (1774) и Ясскому (1792) трактатам. Россия получила важные порты на Черном море и право прохода своих кораблей через Босфор, что заложило основы для динамичной экспортной экономики.

Все эти территориальные приобретения Россия сделала, прикладывая большие усилия для мобилизации ресурсов и установления контроля над ними, а также извлекая выгоду из возможностей, представлявшихся на региональном уровне. Вероятно, строки Уильяма Батлера Йейтса «Все рушится, основа расшаталась // Мир захлестнули волны беззаконья» лучше всего говорят о том, в какой обстановке Россия прокладывала свой курс. В эти столетия Речь Посполитая и, до какой-то степени, Османская империя «рушились»: власть центра ослабевала, ресурсы присваивались сильными людьми в провинции, реформы буксовали, соседи опережали их в построении современного государства. Но российские правители следили за тем, чтобы «основа» не «расшаталась», соблюдая баланс между традицией и новаторством, шла ли речь об имперской идеологии, местном управлении, верховной власти или культуре.

Часть I

Создание империи

Глава 1

Земля, население и глобальный контекст

В XVIII веке Российская империя занимала обширные, покрытые лесом и степями территории – от Восточной Европы до Тихого океана и от Белого моря до Черного. Начиная с середины этого столетия, европейские и русские картографы проводили границу Европы по Уралу, однако современные исследователи предложили термин «Евразия» для обозначения и политического пространства, раскинувшегося в Европе и Азии, и географического положения этой части мира. В настоящей главе мы рассмотрим базовые материальные характеристики Евразии – топографию и климат – и социально-экономические связи, придавшие ей знакомый нам облик.

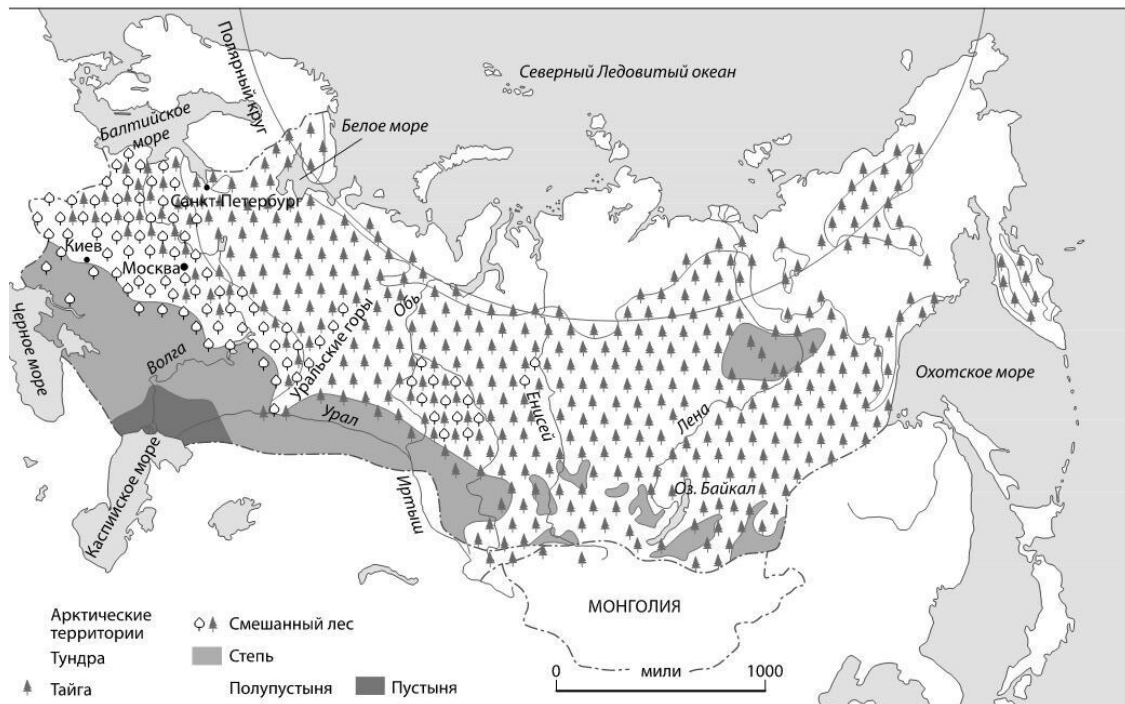
ГЕОГРАФИЯ И КЛИМАТ

Северное расположение Российской империи и ее отдаленность от океанов, источников тепла, делают ее холодным и негостеприимным местом (карта 1). До проникновения в степную зону (конец XVII–XVIII век) большая часть империи находилась выше 50-й широты, к северу от границы леса и степи, идущей от окрестностей Киева на восток, к Уралу и Западной Сибири. Даже продвижение к Черному морю вывело ее к 45-й широте, не далее. Стоит вспомнить, что большая часть территории США (не считая Аляски) лежит к югу от 49-й параллели. Москва находится севернее самого северного из крупных канадских городов – Эдмонтона, а Петербург стоит на той же широте, что южная Аляска.

Положение усугубляется топографическими особенностями местности. Лесные и степные области России являются продолжением равнины, которая начинается от Атлантики и тянется – с перерывом на старые Уральские горы (высота от 900 до 1800 метров, протяженность – 2500 километров) – вплоть до впечатляющих массивов близ Тихого океана. С юга равнина окружена горами: это Карпаты, Кавказ, Памир, Тянь-Шань, Алтай (в Центральной Азии вершины достигают 4,5–5,5 километра), Саянский и Становой хребты к северу от Монголии и Китая, Анадырский хребет на крайнем северо-востоке континента и вулканы Камчатки. Дуга из горных цепей не пропускает теплый тропический воздух и, наоборот, задерживает холодный арктический. Океан помогает мало: Черное море дает сколько-то тепла окрестным землям, но в целом территория России слишком удалена от Атлантики, чтобы на нее влиял Гольфстрим, согревающий Западную Европу.

Такое географическое положение привело к тому, что эти лесные и степные области отличаются резко континентальным климатом (рис 1.1.): сравнительно короткие, но теплые весна и лето, долгие морозные зимы. Средняя температура января в Европейской России и Южной Сибири составляет от 0 до минус 17 градусов, в остальной части Сибири – от минус 17 до минус 35. Для сравнения, в Западной Европе и Северной Америке средняя температура зимой колеблется в пределах от 0 до плюс 10 градусов. Посевной сезон относительно недолог: около Петербурга – четыре месяца (с середины мая по середину сентября), возле Москвы – примерно пять с половиной (с середины апреля по конец сентября), на плодородных степных землях

южнее Киева – до шести месяцев. А в Западной Европе, благодаря воздействию Гольфстрима и Средиземного моря, он продолжается от шести до девяти месяцев.

Карта 1. Зоны растительности. Российская империя, около 1790 года. С карты, приведенной в книге: Chew A. *An Atlas of Russian History: Eleven Centuries of Changing Borders*, rev. edn. New Haven: Yale University Press, 1970. Map 35

Короткий посевной период означает, что можно собирать лишь один урожай в год. Выращивались немногочисленные твердые зерновые культуры (овес, рожь, ячмень) и корнеплоды, урожайность зависела от качеств почвы и не позволяла сильно приподняться над уровнем выживания – до тех пор, пока в конце XVII и в XVIII веке империя не обзавелась черноземными территориями. Из-за долгих зим жители этого региона держали мало домашнего скота и он был слабосильным: крестьяне могли выделить для него лишь ограниченное количество зерна и сена, а в течение всей зимы животные пребывали в стойлах. Из-за этого в центральной России поля плохо унавоживались, а мясо и молоко редко входили в крестьянский рацион, что уравнивалось белковой пищей, получаемой из леса. В XVIII веке положение улучшилось благодаря приобретению черноземных областей, благоприятных как для скотоводства, так и для выращивания зерновых.

На исторически русских землях почвы и растительность выступали в качестве главного отличительного фактора. Через всю Европу и Евразию с запада на восток тянутся полосы, каждой из которых свойственны особое сочетание почвы, растительности (в зависимости от широты) и динамики теплых и холодных воздушных потоков. Это, в свою очередь, определило характер расселения и экономику. На Крайнем Севере Европейской России и в Сибири, к югу от покрытой льдами Арктики, располагается тундра площадью около четырех миллионов квадратных километров – край вечной мерзлоты с двухмесячной летней оттепелью, где растут только мхи, лишайники, кустарники, трава, карликовые деревья и нет древесного покрова. Из животных встречаются в основном лишь северные олени. Эти земли неблагоприятны для проживания людей – исключение составляют эскимосы и лапландцы, обитающие на побережье.

Южнее простирается территория площадью более десяти миллионов квадратных километров, покрытая тайгой – от полярного круга до северного Подмосковья в Европейской Рос-

сии (мы будем называть эту зону «севером») и от Скандинавии до восточных пределов Сибири. Это крупнейший в мире хвойный лес (сосны, ели, лиственницы), который обширнее целой Канады. Из-за сосновой хвои почва делается кислой, а весной, после таяния снега, из нее вымываются питательные вещества. К тому же местность топкая и болотистая – под почвой лежит твердый подстилающий пласт. Поэтому редкое население жило за счет не сельского хозяйства, а охоты, рыболовства и собирательства. Зерновые выращивались в небольшом количестве, при этом господствовал подсечно-огневой способ земледелия, что выглядит разумным выбором, учитывая изобилие земли. Более или менее расчистив участок путем сжигания растительности, крестьянская община обрабатывала его не больше десяти лет – пока почва не истощалась. Затем люди перебирались на новое место. Урожайность составляла максимум сам-3, хотя крестьяне сеяли даже тогда, когда надеялись всего лишь на сам-2, дополняя полученное за счет продуктов из леса.

К западу от Урала южнее тайги располагался смешанный лес из лиственных (дубы, березы) и хвойных пород. Он стал местом первоначального расселения русских и образования русского государства, которое мы будем называть «русским центром». Занимаемое им пространство в форме треугольника простиралось от сегодняшних Петербурга и Киева на западе до западной границы Южного Урала на востоке; зима здесь лишь ненамного мягче, а лето – лишь ненамного теплее, чем в тайге. Благодаря лиственным деревьям почва становится более плодородной и не настолько кислой, а также более рассыпчатой и менее болотистой. Чем дальше, тем больше лиственных, цвет почвы меняется с коричневого на серый, плодородность растет. Вокруг Владимира находится уникальный массив земель с лёссовым грунтом (Владимирское ополье), ставший историческим центром расселения русских в верховьях Волги. При достаточном количестве дождей в посевной сезон здесь можно выращивать рожь и лен, как минимум обеспечивая себе существование (урожайность сам-3), особенно при использовании двуполья и трехполья со вспашкой, позволяющих селиться более компактно. Но и в этом случае деревни были небольшими – крупными считались те, где проживало более 20–30 человек. В прошлом обитатели этих территорий совмещали сельское хозяйство с использованием лесных ресурсов и производили кое-какие изделия для домашних нужд.

Далее на юг смешанный лес переходит в лесостепь и, наконец, в степь. Лесостепь (см. рис. 1.1) простирается с запада на восток от Киева до Западной Сибири. На западе ширина лесостепной полосы составляет около 120 километров, сужаясь затем в районе Волги. Эти области стали первыми в империи, дававшими излишек урожая (районы вокруг Калуги, Орла, Тулы, Рязани, Курска, Тамбова, Воронежа, Пензы). Деревья в этой зоне уступают место лугам и степям, почва делается все более черной и плодородной. Черноземный край – это нынешние Украина и Молдова, Северный Кавказ, низовья Волги, территории к югу от Урала и в Казахстане, самый юг Сибири. Степь заканчивается у Алтайских и Саянских гор, через которые пролегали маршруты Шелкового пути: в Китай, Индию, на Ближний Восток. В степи с незапамятных времен обитали кочевники-пастухи, выращивавшие табуны лошадей и стада другой живности, переходя с летнего на зимнее место и затем возвращаясь. Эти земли стали распахиваться и давать урожай лишь после того, как аграрные империи обрели достаточное военное и административное могущество, чтобы подчинить себе кочевников – процесс, который начался в XVI веке. Глубина черноземных почв составляет от 60 сантиметров до 3,5 метра, они могут давать урожай сам-10, если в год выпадает достаточно осадков (что случается не везде, самый яркий пример – степи Центральной Азии).

Таковыми были почвенные зоны в Российской империи в середине XVIII века. После приобретения черноморского побережья добавились субтропические климатические области Крыма. К середине XIX века империя расширилась до максимальных пределов, завоевав Кавказ и Среднюю Азию, и у нее появились новые «горизонтальные» полосы – пустыни и полупустыни в Средней Азии, высокие горы на Кавказе.

На эту обширную равнину, покрытую лесом, накладывалась плотная сеть рек и озер. Поскольку заметных возвышенностей здесь нет (самая высокая точка к западу от Урала не превышает 350 метров, в Сибири – 200 метров), Евразия является идеальным местом для региональной и международной транзитной торговли, а также для передвижений народов. В то время, когда территория империи была наибольшей, в ней насчитывалось 13 рек протяженностью свыше 2000 километров и столько же рек длиной около 1000 км, включая шесть крупных речных систем.

Рис. 1.1. Статуя Великого князя и святого Владимира (1853), принявшего православие в 988 году, смотрит на левый берег Днепра и бескрайнюю степь Евразии. Фото Джека Коллманна

На юг текли могучая Волга (впадает в Каспий), Дон (впадает в Азовское море), Днепр (впадает в Черное море неподалеку от Крымского полуострова). Верховья каждой из них располагаются в зоне смешанных лесов, там, где начиная с XIV века формировалось русское государство. Менее значительные речные системы служили для перевозки людей и грузов в широтном направлении: Западная Двина течет через сегодняшнюю Беларусь, впадая в Балтийское море близ Риги, Северная Двина несет свои воды к Белому морю через Холмогоры и Архангельск. В Сибири крупнейшие реки текут на север, к Северному Ледовитому океану, но зимой, когда они замерзают, по ним можно легко передвигаться в любом направлении. В их верхнем течении (Южная Сибирь) с конца XVI века воздвигались крепости, на которые опиралась российская мощь. Перечислим их, начиная с самой западной: Обь (с Иртышом), Енисей, Лена. Всего же в Российской империи насчитывалось более 100 тысяч рек и более 20 тысяч озер, что позволяло перемещаться без особого труда даже до строительства каналов, предпринятого в XIX веке.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Расположение Российской империи в Евразии и на Восточноевропейской равнине обуславливало характер доставшихся ей почвенных и климатических зон. В те столетия наиболее ощутимой тенденцией было похолодание на обширной территории, известное как Малый ледниковый период и затронувшее северное полушарие от Гренландии и Исландии до Китая. Оно началось около 1300 года и длилось до XIX века. Это было самое продолжительное похолодание после Великого ледникового периода, но оно представляло собой неоднородное явление. Особенно суровым климат оказался во второй половине XVII – начале XVIII века, когда замерзли Балтийское море, реки в Северной Европе и Англии, а в 1622 году – даже Золотой Рог и часть Босфора. Как правило, зимы были длиннее и холоднее обычного, длительность посевного сезона сократилась на 15–20 %. В XVIII веке наметился конец ледникового периода, однако он сменился сильнейшими колебаниями: иногда случались кратковременные потепления, а иногда климат опять становился чрезвычайно холодным (в 1740-е годы). Ряд бурных извержений вулканов во второй половине XVIII и в начале XIX века также привел к ухудшению климата, особенно активность вулкана Лаки в Исландии (1783–1784): выброшенная в атмосферу двуокись серы достигла Средней Азии и Аляски, и в 1786 году температура была заметно ниже нормы.

Этот долгий период был отмечен социальной напряженностью и экономическими изменениями. Наиболее полные данные имеются для Европы. В Англии, северной Франции и Германии перестали возделывать виноград; ледники уничтожили сельскохозяйственные угодья в Швейцарских Альпах и Исландии. Жителям последней пришлось перебраться в прибрежные рыбацкие деревни, но и улов трески постепенно уменьшался – похолодание океана гнало рыб на юг. Урожай падал, цены на зерно росли, следствием чего стал голод (унесший в 1690-е годы более 10 % населения в некоторых областях Франции, Норвегии, Швеции, Эстонии, Финляндии), люди чаще становились жертвами эпидемий. Куда более частыми стали миграции – деревни пустели, их обитатели устремлялись в места с более благоприятными климатическими условиями или экономическими возможностями.

Однако тяготы, связанные с Малым ледниковым периодом, продолжались столько времени, что их нельзя приписать воздействию одного фактора. Местные общины с течением времени научились реагировать на меняющиеся обстоятельства. Обедневшие норвежские рыбаки занялись экспортом древесины и кораблестроением. На Балтике началась оживленная торговля зерном, чему способствовали усовершенствования в технологии постройки судов, на суше активно развивались перевозки зерна, пива, скота и т. д. из Восточной Европы в западноевропейские города. Страны, которые вели международную торговлю, – Англия, Португалия, Испания, Нидерланды – в случае нужды могли рассчитывать на импорт продовольствия через свои опорные пункты в Африке, Азии и Новом Свете. Там, где торговля была исключительно внутренней, использовали всю доступную землю: в Нидерландах и Англии улучшились методы восстановления земель, в Китае стали возделывать поля в пограничных районах. Колониальная экспансия европейских стран – от Англии до России – также вела к притоку новых земель или рабочей силы на внутренний рынок. В XVIII веке в Западной Европе растущая плотность населения и изменившиеся климатические условия вынуждали внедрять новые способы обработки земли и новые культуры; результатом стали интенсификация и диверсификация производства, увеличение урожаев. Власти озаботились строительством зернохранилищ для крупнейших городов, войска или важнейших групп населения. Китай на протяжении всей своей истории вкладывал средства в создание запасов зерна, в Европе же такие усилия предпринимались с конца XV века, но стали ощутимыми и эффективными лишь к XVIII веку.

О том, как жилось в России на протяжении Малого ледникового периода, нам известно меньше (лучший источник – летописи, создававшиеся в региональных центрах), но последствия его ясны. Эти столетия характеризовались климатической нестабильностью и экстремальными температурами. В дополнение к чрезвычайно холодным зимам, лето часто выдавалось очень сухим, а осень – слишком дождливой; следствием был неурожай, за которым наступал голод. Летописцы XV века из городов центра зафиксировали 48 лет, когда приходил голод – по крайней мере, в ту или иную область, – и более 150 необычных климатических событий: непрерывные дожди, наводнения, поздние снегопады, сильнейшие бури, засуха и даже землетрясения. Первая половина XVI века оказалась сравнительно теплой, но в последующие годы (примерно до 1570-го) погода отличалась непостоянством, холодные зимы чередовались с мягкими, снежные – с бесснежными. Едва ли хоть один год проходил без экстремальных климатических явлений в каком-нибудь из регионов Центральной России. Такие же колебания наблюдались в 1573–1584 годах, относительно благоприятных; за ними последовало ухудшение климата – вплоть до конца столетия. В таких обстоятельствах неурожай приводили к повышению цен на зерно. Бремя, ложившееся на население, в эти десятилетия усугублялось ростом налогов, Ливонской войной (1558–1581) и опричниной (1565–1572). Особенно тяжелая ситуация сложилась к северо-западу от Москвы, вокруг Новгорода, Пскова и Твери; в Новгороде в 1570 году от голода скончалось больше людей, чем от безжалостного захвата города Иваном IV. Возникали эпидемии, осенью 1570 года чума отмечалась в 28 городах.

К началу XVII века в России сложились катастрофические климатические условия. В 1602 году из-за дождей и летних заморозков цены на рожь взлетели в шесть раз; в 1603-м они выросли в 18 раз по сравнению с 1601-м. Великий голод 1601–1603 годов, усугубленный политическими и социальными волнениями Смутного времени, вызвал огромные потери населения (по некоторым оценкам – 100 тысяч человек). В первой половине столетия некоторые годы отличались более мягкой погодой, но начиная с середины века – во время так называемого Минимума Маундера (1675–1715), когда холода усилились, по всей видимости, из-за уменьшения количества солнечных пятен – опять установился холод. О тенденции к похолоданию свидетельствовало усиливающееся обледенение Северного Ледовитого океана. До середины XVII века по нему можно было плавать, не встречая льдов, далеко за устье Енисея – до Колымы и Берингова пролива. Этот проход покрылся льдом в 1650–1660-е годы. Кроме того, во второй половине столетия 33 года характеризовались такой засухой, что в 1663 году царь лично молился о дожде. Двадцать пять лет из 40 (60 %), составлявших Минимум Маундера, выдались голодными. Всего же в Европейской России на протяжении климатически нестабильного XVII века 48 годов были засушливыми, 25 раз выдавалось слишком дождливое лето и 32 раза – свирепая зима, продолжительный голод наблюдался 64 раза. Таким же неустойчивым оказалось и следующее, XVIII столетие: 18 раз – крайне суровая зима, 39 раз – засуха, 19 годов с сильными дождями и наводнениями. Зимы были суровыми 40 раз, мягкими – 22 раза; 33 раза отмечался небывалый весенний паводок. Голод в тех или иных областях, а иногда – и во всей стране, засвидетельствован для 68 лет, самыми серьезными были вспышки в начале 1730-х годов, в 1760-е, в начале 1770-х и в конце 1780-х.

От всех этих перечислений захватывает дух. Вряд ли можно установить причинно-следственную связь между этими климатическими условиями и конкретными историческими событиями – восстаниями, всплесками преступности, закрепощением крестьян. Но суровый климат, разумеется, означал колоссальные страдания для людей, создавал контекст для социальных волнений и кризисов, подчеркивал выгоды от постоянной экспансии России, нацеленной на более плодородные, богатые ресурсами и/или отличающиеся умеренным климатом области. Государство и землевладельцы могли обращать свои взгляды на юг по торговым соображениям, но и крестьяне охотно устремлялись туда – в поисках лучшей жизни.

БОЛЕЗНИ

Помимо глубинных климатических тенденций, Россию объединяли с Европой и Евразией инфекционные заболевания. Чума, оспа и другие инфекционные заболевания, как правило, не зарождались в России: лишь немногие вирусы способны пережить суровую зиму. Инфекции приходили с запада (проникая через Германию и Польшу в Смоленск, Псков, Новгород) и через черноморские порты. Нередко болезни распространяли солдаты – особенно во время вооруженных конфликтов – и торговцы. Довольно часто вспышки в Европейской России случались через несколько месяцев или лет после эпидемии в другом месте. Так, к примеру, чума распространилась по Западной Европе в 1473 году и сильно ударила по Новгороду (ведшему регулярную торговлю с балтийскими купцами) в 1478-м; европейская эпидемия чумы 1482 года эхом отозвалась во Пскове в 1486–1487 годах. То же самое можно сказать о чуме 1506–1508 годов в Пскове и Новгороде: ей предшествовали вспышки заболевания в Германии, Голландии и Италии (1500–1508). В XVII веке, когда на западных рубежах постоянно велись военные действия, в Европейской России часто случались эпидемии (обычно чумы и оспы): 1521–1522 – Псков, 1521 – Москва, 1527 – Новгород, 1532–1533 – Псков и Новгород, 1552 – Псков, Новгород, Смоленск и русские военные лагеря близ Казани. Чума выкосила население многих городов (Полоцк, Великие Луки, Смоленск, Новгород, Псков) в 1566–1568 и 1570 годах и вернулась в Новгород и Псков в 1592-м.

Современники говорили об инфекционном заболевании, пришедшем в Москву через Польшу и Смоленск в Смутное время (1598–1613) вместе с иностранными захватчиками. После этого до 1650-х годов Москва не знала крупных эпидемий; чуму, обнаружившуюся в Крыму (1636), удалось не допустить в столицу благодаря введению карантина в пограничных городах. Такие же карантинные меры, принятые в районе Вязьмы, помогли остановить распространение «сибирской оспы» в 1643 году. Но на протяжении 1650-х годов в Москве и центральной России свирепствовала чума. Она явилась в Россию летом 1654 года и продолжалась до конца 1657-го, опустошив в это время часть Германии, Голландии, Англии и Испании на западе и Астрахань на востоке. Узнав о ее приближении, царь с семейством и тысячи горожан выехали из Москвы; эпидемия началась там в августе. Те, кто покинул город, устремились в самых разных направлениях и достигли Киева, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода, осев в 35 регионах площадью более 30 тысяч квадратных километров. В Москве чума унесла множество жизней – по оценкам К. Г. Васильева, скончались от 300 до 350 тысяч человек. Васильев также считает, что некоторые города (Звенигород, Калуга, Переяславль-Залесский, Переяславль-Рязанский, Суздаль, Тверь, Тула) потеряли до половины населения, их округа также сильно пострадала. Но в последующие десятилетия XVII века благодаря жестким карантинным мерам эпидемии больше не достигали глубинных районов страны.

Нашествия чумы были внезапными и опустошающими, но много людей гибло и от хронических инфекционных заболеваний. К XVII веку оспа стала для Европы обычным явлением – предполагалось, что ею переболел едва ли не каждый. Смертность была высокой, а в колониях европейских стран – зачастую ужасающей. После появления испанцев на островах Карибского моря и в современной Мексике чума выкосила местное население; то же самое произошло после прихода русских в Сибирь. В неясных упоминаниях о заразных болезнях в России до XVII века, возможно, речь идет об оспе; помимо хронической формы, она проявляла себя в виде вирулентных пандемий, которые вспыхивали каждые пять-семь лет и уносили 10–30 % населения. Первые ясные свидетельства об оспе в России относятся к Сибири: с начала XVII столетия по ней проносились эпидемии этого заболевания, вероятно, приходившего из России. В 1630-х годах оспа быстро распространилась среди остяков и самоедов, в 1650-х была замечена по ту сторону Енисея и к концу века уничтожила 80 % якутов и тунгусов. По суще-

ствующим оценкам, от оспы в XVII веке скончалась половина коренного населения Сибири. Другими опустошительными болезнями, принесенными в эти края, были венерические заболевания, корь, скарлатина и тиф.

Фиксировались также территориально ограниченные вспышки малярии и тифа. Иван IV будто бы перенес тиф в 1558 году; принц Иоганн Шлезвиг-Гольштейнский, жених дочери Бориса Годунова, умер от него в 1602 году. Особенно большие бедствия тиф причинил войску: во время Азовских походов (1690-е годы) от него скончалось больше солдат, чем погибло в бою, и в XVIII веке он по-прежнему оставался бичом русской армии.

НАСЕЛЕНИЕ

Несмотря на эпидемии, в эти десятилетия наблюдался экономический рост. Особенно бурным он был в Европе, к западу от линии Триест – Петербург (включая Скандинавию). В XIV веке были преодолены последствия опустошительной эпидемии бубонной чумы, разразившейся в середине XIII века и унесшей треть населения Европы. Около 1400 года в Западной Европе, по существующим оценкам, проживало 52 миллиона человек, затем происходил непрерывный рост примерно до 1700 года, когда население достигло 85,5 миллиона (14 % от мирового). Но в XVI веке рост замедлился под влиянием многих факторов. Одним из них была низкая рождаемость вследствие принятия европейской модели брака в Англии, Франции, Нидерландах, некоторых частях Германии; она подразумевала позднее вступление в брак и значительный процент неженатых/незамужних. Другим фактором были мальтузианские ограничения: во многих местах жителей стало больше, чем доступных ресурсов. Наконец, третьим фактором послужили внешние обстоятельства – голод и чума в Средиземноморье, Тридцатилетняя война в Центральной Европе. Рождаемость падала, смертность увеличивалась, количество населения оставалось прежним до начала XVIII века – но за этим последовал впечатляющий рост. Между 1750 и 1800 годами население крупнейших европейских стран выросло на 50–100 %, достигнув 122,2 миллиона человек – благодаря внедрению новых продовольственных культур (например, картофеля), более интенсивному ведению сельского хозяйства и усложнению региональной системы распределения продовольствия в некоторых областях.

В империях Евразии население также росло, причем рост этот был в большей мере естественным, нежели в Европе: контрацептивные практики систематически не применялись. Сложнее восстановить демографическую обстановку в России на протяжении раннего Нового времени, так как источников недостаточно. Опираясь на результаты подворной переписи 1678 года, специалисты по демографии считают, что в 1500 году Европейская Россия – та ее часть, которая находилась под властью московских великих князей, – оправилась от чумной катастрофы XIV века, и впоследствии население устойчиво росло. Оценки на 1678 год, принадлежащие Я. Водарскому и Б. Миронову и основанные на итогах подворной переписи, дают цифру от 10,5 до 11,2 миллиона. Статистика XVIII века, базирующаяся на данных относительно подушной подати, более надежна: население выросло с приблизительно 15,6 миллиона в 1719–1724 годах до 23,2 миллиона в 1762-м и 37,4 миллиона в 1796 году. Этому способствовала территориальная экспансия, но наибольший вклад вносил естественный прирост. Как указывается в главе 17, в разных регионах процесс шел неодинаково: в центре России, особенно к северо-западу от Москвы и в белорусских землях, отмечался дефицит земли ввиду перенаселения, а коренное население Сибири увеличивалось медленно из-за эпидемий.

Демографический подъем в России был частью общеевропейского явления. В XVI веке (1520–1580) в землях, составлявших ядро Османской империи (Юго-Восточная Европа, Анатолия), рост населения составил примерно 60 %, а в крупнейших городах – до 83 %. На конец XVI века для обширной территории империи имеются следующие данные: около 7,5 миллиона человек проживало на Балканах и в Анатолии, приблизительно 8,5 миллиона – в Северной

Африке, 12 миллионов – на Ближнем Востоке. В XVII столетии население всех стран Средиземноморья сократилось, но в XVIII веке число обитателей Османской империи увеличилось с 25 до 32 миллионов (в 1800 году). По Китаю имеется не так много данных, но есть косвенные указания на рост населения. Так, при династиях Юань и Мин (1279–1644) в Китае насчитывалось от 1127 до 1173 уездов с числом жителей от 50 до 500 тысяч в каждом. Рост прекратился в XVII веке из-за восстаний и смены режима, но следующее столетие выдалось сравнительно спокойным: в 1762 году население составило более 200 миллионов человек и удвоилось к 1834 году.

Применительно к раннему Новому времени, наряду с количеством населения важен и такой показатель, как его плотность. Плотное расселение создавало как возможности для урбанизации и экономической диверсификации, так и предпосылки для голода и мальтузианских ограничений. В эти века большая часть Западной Европы была населена куда плотнее России. Согласно данным П. Маланимы, к 1500 году самой населенной областью Европы была Бельгия – 43 человека на квадратный километр, за ней следовали Италия (30), Нидерланды (29), Франция (28), Британия (23), Германия (20), владения Габсбургов (18). В Польше приходилось в среднем 8,3 человека на квадратный километр, в России – 2,8. Около 1800 года, после демографического бума XVIII столетия, этот показатель достиг в Бельгии 97, в Нидерландах – 63, в Англии – 61, в Италии – 60, во Франции – 53, в Германии – 45, во владениях Габсбургов – 39, в Польше – 18, а в Европейской России – 6,5.

Параллельно с ростом населения в Западной Европе шла урбанизация. В XVI веке число городов, где проживало свыше 40 тысяч человек, почти удвоилось – с 26 до 40, а в некоторых обитало более 150 тысяч жителей (Константинополь, Неаполь, Париж, Лондон, Милан, Антверпен, Палермо). К XVII веку горожане составляли 40 % населения Голландской республики, 25–30 % населения Италии, 20 % населения Франции и Англии. К 1700 году в Европе имелось 43 города с населением более 40 тысяч человек, а количество тех, где проживало более 100 тысяч, достигло 12 (в 1790 году население Вены составляло 270 тысяч человек). Однако преобладали (особенно в Восточной Европе) «малые города» (2–3 тысячи жителей или меньше) – прежде всего там, где аграрное население было закрепощено, а обмен продуктами – ограничен. К примеру, крупнейший город Венгрии, Пресбург (ныне Братислава), насчитывал в начале XVII века всего 29 тысяч жителей. В Богемии, согласно данным 1790 года, из 244 городов лишь Прага и Пильзен перешагнули десяти тысячный рубеж. То же самое, как мы увидим дальше, относилось к малым городам России.

Для обширных империй – русской, турецкой, китайской – статистика по плотности населения труднонаходима, к тому же проблема осложняется региональными различиями. Цифры Бориса Миронова для конца XVII и XVIII столетий свидетельствуют о том, как сильно колебалась плотность населения в пределах России. В 1646 году – после установления господства над половиной Сибири, но до существенных приобретений на территории нынешних Украины и Беларуси – общая плотность, согласно Миронову, составляла 0,5 человека на квадратный километр при населении в 7 миллионов. Впоследствии, вслед за новыми приобретениями, плотность медленно увеличивалась (0,8 в 1678 году; 1,1 в 1719-м; 1,6 в 1762-м; 2,3 в 1796-м), но одни регионы были заселены намного плотнее других. В целом для всех территорий, вошедших в состав России между 1646 и 1796 годами (Сибирь, степные области, современные Украина и Беларусь), плотность населения оставалась примерно одинаковой (5–5,4), но разрозненные цифры по Европейской России показывают, насколько более урбанизированными и успешными в плане сельского хозяйства и промышленности были эти области. Там плотность выросла с 1,7 человека на квадратный километр в 1678 году до 3,5 в 1719-м, 5,2 в 1762-м и 7,5 в 1796 году. Миронов обнаружил, что в эту эпоху бурного роста населения рассматриваемый показатель резко увеличился для лесостепного (4,1 в 1678-м, 7,7 в 1719-м, 25,8 в 1856 году) и черноземного (0,3 в 1678-м, 0,4 в 1719-м, 7,1 в 1856 году) регионов. Но сравнение с Евро-

пой и Османской империей показывает, как редко была заселена Россия, даже когда плотность достигла максимума.

Что касается Османской империи, там плотность населения была высока в городах и минимальна на Анатолийском плато, в малообитаемых ближневосточных пустынях, причерноморских степях и кавказских горах. Иналджик оценивает плотность населения ее европейских владений в 41 человека на квадратный километр для XVII века; к его концу демографическое давление в центре страны привело к бегству жителей в города, голоду и росту цен на зерно. Одновременно в азиатской части империи этот показатель равнялся всего 20. Если говорить об урбанизации, то в окраинных областях имелись лишь редкие военные форпосты; по всей империи были разбросаны небольшие торговые города, но существовали и динамичные, процветающие метрополии, известные с античных времен: в Египте (Каир), на западе европейской части (Бурса, Стамбул, Белград, Эдирне), в Сирии (Алеппо, Дамаск), в Ираке (Багдад) и на побережье Черного моря. Население Константинополя, переименованного в Стамбул после его захвата османами (1453), быстро увеличивалось, в основном за счет иммиграции. Сюда стекались крестьяне из перенаселенной Анатолии, тогда как султаны стремились вновь сделать город центром торговли, раздавая привилегии торговцам и привлекая ремесленников. Соответственно, число его жителей выросло в XVII веке более чем на 80 %.

Похожая ситуация сложилась в Китае: аллювиальные равнины близ восточного побережья и в дельтах Янцзы и Жемчужной реки были крайне перенаселены и веками подвергались интенсивной сельскохозяйственной эксплуатации. Земли же вдоль северной и северо-восточной границ были заселены слабо. В целом, тенденции так же важны, как числа. В раннее Новое время людям удавалось преодолевать тяготы, связанные с Малым ледниковым периодом, войнами и болезнями. Изобретались политэкономические системы, позволяющие выживать; в России положение облегчалось еще и наличием многочисленных лесов, дававших возможность заниматься сельским хозяйством и охотой. Рост стимулировался и поддерживался, среди прочего, глобальным взаимодействием, в котором участвовали Россия и европейские страны.

ГЛОБАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В течение тысячелетий Европа и Азия были связаны за счет так называемой Афроевразийской зоны, которая простиралась от Китая до Северной Африки и Средиземноморья, вдоль знаменитого Шелкового пути, пролежавшего в широтном направлении. Если точнее, путей было несколько: эти дороги обслуживали различные центры торговли, направление их менялось в зависимости от политической и религиозной обстановки в том или ином регионе. Пути проходили по Китаю и Средней Азии, затем, как правило, шли в Индию и – огибая Каспийское море с юга – в Персию, на Аравийский полуостров, к Черному и Средиземному морям. Историки утверждают, что Шелковые пути позволили создать единую «мировую систему», предназначенную для переправки предметов роскоши и рабов, уже за два тысячелетия до нашей эры. От них отходили меридиональные ответвления, которые обслуживали транзитную торговлю и местные рынки. В той части света, где находилась Россия (иногда ее называют Западной Евразией), к X веку возникли торговые пути по Волге, Каме и Днепру, которые использовались для перевозки даров леса с Балтики и из западной Сибири в Византию, на Ближний Восток, в Китай и Индию.

На протяжении столетий Шелковые пути менялись вслед за степью. В лучшие времена степные империи создавали стабильные условия для торговли, наподобие легендарного «римского мира» – *раха Романогум*. «Монгольский мир» существовал примерно в течение столетия на пространстве от причерноморских «понтийских» степей до Китая. Однако нормой были кочевнические конфедерации меньшего размера, господствовавшие над каким-нибудь участ-

ком степи. Иногда они объединялись, чтобы обеспечить бесперебойную торговлю, иногда (пример тому – Средняя Азия в XVII веке) начинали кровопролитные войны, из-за которых караванные перевозки нарушались и смещались торговые пути.

В XV веке Москва сделалась важным региональным центром и в последующие столетия играла все более значительную роль на международной арене, став участником и бенефициаром нового глобального миропорядка. Как заявляет Джерри Бентли, глобальная торговая система, существовавшая между 1400 и 1800 годами, была новой и необычной, «глобальной системой раннего Нового времени»: она существовала на территориях от Китая до Европы, от Северной Африки до европейских колоний в Новом Свете. Согласно Бентли, этот глобальный мир был единым на всех уровнях исторических изменений, описанных великим французским историком из школы «Анналов» Фернаном Броделем: на уровне *longue durée* (большой длительности), где меняются климат и взаимосвязанные торговые пути, старые и новые; на уровне институций, где меняются торговые и религиозные системы, имперские и дипломатические институты; на повседневном уровне, где идет взаимодействие, мирное или конфликтное, через торговлю, путешествия, завоевания, войны.

Обсуждение взглядов Бентли на глобальные связи в раннее Новое время стало частью оживленной дискуссии относительно характера глобализации в эту эпоху. Исследователи спорят о том, когда мир действительно сделался глобальным, и в центре этих дебатов обычно находятся европейские морские империи. Как отмечает М. Романьелло, для некоторых этот момент приходится на 1571 год, когда Испания стала способна отправлять продукцию из Америки (прежде всего серебро) в Европу благодаря подчинению Манилы; другие указывают на появление крупных каравелл – после этого стало возможным осуществлять быстрые и дешевые перевозки куда большего количества товаров. Но есть и те, кто утверждает, что глобальное взаимодействие было налажено куда раньше и опиралось на давно существовавшие региональные торговые пути, сухопутные и морские. И все соглашаются, что даже в раннее Новое время заморские сети перевозок, созданные Испанией, Португалией, Голландией и Англией, по мере построения колониальных империй и глобальных систем транспортировки грузов включали в себя местные сети.

Романьелло, Джон Ричардс и другие напоминают о том, что связности глобальной экономике в XVI–XVIII веках добавляли все более могущественные политические объединения – империи, федерации, зарождающиеся нации. Развитие глобальной экономики шло параллельно с государственным и имперским строительством. Государства раннего Нового времени регулировали торговлю с целью максимально увеличить государственные доходы, защищая промышленность своих стран и облагая пошлинами ввозимые из-за границы товары. Полученные деньги тратились на создание армий, защищавших интересы государства за его пределами или помогавших захватить новые территории ради приобретения производительных ресурсов или торговых факторий. Москва, как мы увидим далее, соответствовала этой модели, характерной для раннего Нового времени: она проводила протекционистскую налоговую политику и энергично осуществляла военные реформы.

Издержки глобальной экономики были высокими, и Россия не могла их избежать. Как уже говорилось, туземные народности становились жертвами эпидемий, когда империи присоединяли их к себе, а производство потребительских товаров и специй, доставлявшихся с азиатских и американских рынков, было основано на рабском труде. В России не меньшие страдания причиняло крепостничество, введенное ради содержания армии. Колониальная экономика и демографический рост приводили к катастрофическим последствиям для окружающей среды. Относительно Российской империи Д. Мун замечает, что крестьяне из числа восточных славян, как правило, уничтожали леса, чтобы расчистить место для поля, добыть строительный материал или дрова. В большинстве центральных областей леса исчезли в XVIII веке, и по

мере того как крестьяне славянского происхождения продвигались в степь, они сжигали там траву и распахивали землю, что в XIX веке привело к эрозии почвы.

В XVI–XVIII веках глобальное влияние ведущих европейских стран возрастало, то же происходило и с Россией. Между Европой и евразийскими империями возникло «великое расхождение» (в смысле индустриализации и глобального могущества). Кеннет Померанц утверждает, что оно обнаружилось уже в эти столетия, другие же полагают, что превосходство Европы стало прочным лишь в XIX веке. В раннее Новое время – период, который мы рассматриваем, – имелось несколько крупных игроков, инициировавших динамичные перемены; Россия противостояла европейским державам, Османской империи и Китаю посредством торговли и войн.

Рассмотрим отношения русской империи с ее глобальными соседями, торговыми партнерами и соперниками. Когда Россия в XV веке начала становиться региональной державой, Сибирь была обширным редконаселенным лесом, где проживали многочисленные племена и народы, разделенные необитаемыми областями. Эти территории находились под слабым контролем Сибирского ханства, властители которого причисляли себя к чингизидам. В степи к востоку и югу от России существовали союзы кочевых племен, состав их часто менялся. Многие, как Сибирское ханство, откололись от монгольской орды. Среди них были могущественные ханства с оседлым населением – Крымское, Казанское – и непрочные союзы в причерноморских и прикаспийских степях. Каспийское море и Средняя Азия были дальними целями имперской экспансии; Россия вела торговлю с Востоком через купцов из Волжской Булгарии.

Из непосредственных политических соперников России главным был западный сосед – Великое княжество Литовское. С 1387 года оно состояло в династической унии с Польшей, а в 1569 году образовало с ней конфедерацию – Речь Посполитую. Под ее властью находились земли, ныне входящие в состав Беларуси и Украины, до границы со степью. С точки зрения Москвы, княжество преграждало ей путь к Балтике. С точки зрения Литвы, находившееся на подъеме русское государство было привлекательным объектом для экспансии в восточном направлении. Итогом стали почти постоянные вооруженные столкновения на западных рубежах России в раннее Новое время. Наподобие России и польско-литовского государства, империя Габсбургов имела степную границу и с 1526 по 1699 годы была вынуждена защищать или отвоевывать свои венгерские земли у Османской империи; для России Австрия являлась полезным союзником, который мог атаковать Польшу с другого фланга. Как блестяще заметил Альфред Рибер, все три державы в раннее Новое время соперничали за «евразийское пограничье».

Сильным соперником виделась Османская империя, намного превосходившая Россию по богатству и куда активнее осуществлявшая в то время свою экспансию. Династия Османов воспользовалась ослаблением позиций Византийской империи в Анатолии в конце XIV века и на протяжении XV столетия существенно усилилась, овладев Анатолией, Болгарией и некоторыми территориями на Балканах. До 1453 года господствующее положение на северном побережье Черного моря занимали итальянские торговые колонии – Тана на Азовском море и Кафа в Крыму, – а также крымские торговые порты Перекоп и Очаков. Захват османами Константинополя в 1453 году позволил им начать экспансию в этом направлении, и к 1475 году они уже господствовали на берегах Черного моря; итальянским, еврейским, армянским и прочим немусульманским купцам пришлось покинуть эти места или стать подданными Османской империи. Крым, где правили чингизиды из династии Гиреев, принял вассалитет от Османской империи в 1478 году. В XVI веке османская держава достигла максимального территориального расширения, завоевав Египет, Сирию, другие области Ближнего Востока и совершив новые приобретения на Балканах, включая большую часть Венгрии (1526).

Османская империя – интересный для сопоставления пример империи раннего Нового времени. Она пользовалась теми же стратегиями «политики различий», что и Россия и другие

подобные империи: контроль со стороны центра, наднациональная идеология, терпимость к различным религиям и этническим общностям, баланс между принуждением и введением в органы власти. Ее султаны, мусульмане-сунниты, исповедовали патриархальную идеологию, похожую на российскую: абсолютная власть султана умеряется его справедливостью и милосердием. Нацеленность России на экспансию в направлении степи и Черного моря привела к тому, что ее взаимодействие с Османской империей в XVIII веке чаще приобретало форму вооруженного конфликта, чем торговых отношений.

Россия поддерживала торговые связи с другими своими евразийскими соседями – Персией и Индией. К востоку от Османской империи находился Иран, где в 1501–1736 годах правила шиитская династия Сефевидов. После бурных событий XVI века, когда османы-сунниты соперничали с Сефевидами за территории и влияние в исламском мире, при шахе Аббасе (1587–1629) в Персии настало время политического и культурного процветания. В сефевидском Иране – благополучном, обладавшем высокопроизводительной экономикой, расположенном между Дальним Востоком, Ближним Востоком и Европой – имелось несколько динамичных центров торговли. Это был давний торговый партнер России. В XVII веке Иран приходил к политическому упадку, и в начале XVIII века Россия нацелилась на его каспийские порты (но до следующего столетия в целом не добились успеха).

Восточнее Персии лежала Индия, большей частью которой правила династия Моголов (1526–1858). Преемники Монгольской империи, Моголы вели свое происхождение от мусульманина Бабура, претендовавшего на роль наследника и тимуридов, и чингизидов. Как показал Андре Винк, Моголы, особенно при энергичном Акбаре (1542–1605), приспособили степные обычаи к условиям Индостана, где преобладал оседлый образ жизни. Как отмечает Джон Ричардс, Моголы властвовали над «чрезвычайно продуктивной, богатой и густонаселенной» страной, активно участвовавшей в региональной и международной торговле, экспортировавшей драгоценные камни, пряности, чай, хлопок и шелк. Он полагает, что Индия при Моголах и Европа развивались параллельно: эффективная власть, добившаяся централизации, умелое развитие систем международной торговли, введение новых культур и технологий. На пике своего могущества династия контролировала большую часть Индостана, но к началу XVIII века это ее могущество было подточено междоусобной борьбой, которая открыла дорогу неуклонно усиливавшейся Британии. Для России индийский хлопок был важным предметом ввоза, и индийские купцы занимали прочные позиции в русской торговле благодаря своему подворью в Астрахани.

Самым отдаленным политическим и экономическим партнером России был Китай. В те столетия, когда шло возвышение Москвы, там успешно правили две династии – Мин (1370–1644) и Цин (1644–1917). Несмотря на различия – Мин была собственно китайской династией, при которой территория империи сжалась до домонгольского уровня, Цины были маньчжурами, при которых пределы империи максимально расширились, – между ними существовала преемственность в главном, как указывает Тимоти Брук. При обеих династиях происходило поступательное развитие экономики. С начала XVI века, когда в Южно-Китайском море появились европейские торговцы, Китай активно участвовал в мировой торговле, хотя и не играл ведущей роли в международных морских перевозках. Плотность населения была высокой, численность его непрерывно росла, что вынуждало власти тратить на социальное обеспечение в условиях почти мальтузианского перенаселения. Государство оставалось централизованным и авторитарным, им управляли чиновники, отбираемые по меритократическому принципу. И минские императоры, и маньчжурские ханы претендовали на неограниченную власть, но она, как и в случае московских князей, ограничивалась нехваткой пространства и ресурсов, а также доминирующей в стране культурой «трех учений» – конфуцианства, даосизма и буддизма. Россия получала китайские товары через страны, находившиеся на Шелковом пути, но постоянно стремилась обрести более прямой доступ к ним, начав в XVII веке прокладывать караванные

маршруты через Южную Сибирь. Результатом этих усилий стали Нерчинский (1689) и Кяхтинский (1727) договоры, сделавшие возможной прямую торговлю России с Китаем и содержавшие механизмы урегулирования пограничных споров.

В это время проложенные европейцами морские пути перехватили часть транзитной торговли предметами роскоши, но не вытеснили полностью сухопутных дорог, несмотря на утверждения об обратном. М. Россаби и С. Леви показали, что в середине XVI века нестабильность, воцарившаяся в Османской, персидской, индийской и Цинской империях, а также в степях Средней Азии, привела к упадку караванной торговли, но последнюю заменили перевозки по более коротким маршрутам, осуществлявшиеся между Китаем, Индией, Средней Азией, Россией и Европой. Эти дороги пролегли в меридиональном и широтном направлениях севернее Шелкового пути – на юге Сибири и на севере Средней Азии.

Как мы предположили, следствием появления морских путей, связавших европейские страны с торговыми зонами Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Малайского архипелага, Китая, стало формирование глобальной мировой экономики с конца XV века. Начало процессу положили португальцы, захватывавшие с конца XV столетия торговые фактории в Персидском заливе, Индийском океане и на Малайском архипелаге. Британцы, французы и голландцы относительно поздно стали участвовать в азиатской торговле, но в XVII веке сделались полноправными игроками (особенно голландцы). В первой половине этого столетия голландцы вытеснили португальцев с большей части островов Малайского архипелага, а британцы повели борьбу с голландцами за контроль над торговлей на архипелаге и в Азии – относительно безуспешную; затем они обосновались в Индии, где занимались прибыльной торговлей тканями и опиумом, что позволило заложить фундамент будущей Британской империи. Франция также участвовала в индийской торговле с начала XVIII века. Дальние морские маршруты, проложенные европейцами, начинались в портах Китая, Малайского архипелага, Индии. Их изменения отражали эволюцию европейских империй: в XVI веке всеевропейским центром торговли колониальными товарами был Лиссабон, в XVII веке его сменил в этой роли Амстердам, который затем, в конце столетия, уступил ее Лондону.

В раннее Новое время Россия боролась с претензиями всех европейских держав – Англии, Голландии, Швеции, Франции – на монополию в торговле, которая велась внутри России и через нее. Для этого она создавала систему торговли восточными товарами, в которой доминировало государство; пути проходили по Сибири и Волге. Развивались и связи с европейскими рынками, опиравшиеся на балтийские и черноморские порты, причем Россия вслед за своими европейскими партнерами вводила протекционистские меры, прежде всего тарифы. В XVIII веке русские приобретали колониальные товары у голландских и английских купцов, прибывавших в порты Балтийского и Белого морей, так же часто, как и у торговцев, пользовавшихся традиционными маршрутами – южными и восточными.

Судя по всему, общение торговцев и местных жителей во всех этих торговых пространствах приводило к обмену идеями, техническими новинками, информацией о достижениях и стилях искусства. Здесь мы лишь кратко коснемся этого плодотворного культурного взаимодействия – подробнее о нем будет сказано ниже. Если говорить о религии, эти столетия ознаменовались появлением неортодоксальных течений, возрождением и триумфом ортодоксии: речь идет о Реформации и Контрреформации в Европе и появлении новых, более энергичных течений в исламе и буддизме. В христианском, исламском и буддистском мирах получили популярность апокалиптические пророчества. Европейские монархи, воспользовавшись религиозным расколом, принялись создавать национальные церкви; османские султаны покровительствовали как суннитам, так и суфиям, чтобы сохранить привлекательность власти для неоднородного по составу населения, и под лозунгом противостояния шиитам-Сефевидам пытались осуществить завоевательную программу. В польско-литовских землях заметные успехи делало протестанство, как, впрочем, и Контрреформация, в результате которой часть украинцев и

белорусов стали склоняться к союзу с папством (Брестская уния 1596 года). Все эти бурные перемены коснулись и России. В религиозных сочинениях и религиозном искусстве XVI века преобладали апокалиптические настроения, поддержанию которых способствовали раскольники XVII века. Православная церковь приступила к реформам, которые частично были вдохновлены конфессиональным строительством, осуществленным Украинской православной церковью; эти реформы вызвали недовольство среди традиционалистов и церковный раскол.

Усовершенствование вооружений – артиллерии и стрелкового оружия – стимулировало и сделало возможным более масштабные военные кампании. Торговля оружием, в широком смысле, вызвала приток специалистов и военного снаряжения в Османскую империю и Россию, способствовала прогрессу местной военной промышленности и фортификационного искусства, начиная с XV века. Европа с XVI века развивала книгопечатание и книготорговлю и быстро догоняла Китай, где печатное дело было известно уже много столетий, но Россия и Османская империя приняли это новшество лишь выборочно. Сначала книгопечатание было отвергнуто (белорус Иван Федоров, выпустивший несколько религиозных книг в 1560-х годах, был вынужден уехать из Москвы и увез с собой печатный станок), но в XVII веке церковь и власти стали осторожно пользоваться новой техникой для издания государственных документов и религиозных текстов. Даже когда Петр I дал книгопечатанию зеленый свет, оно продолжало контролироваться государством вплоть до конца XVIII века. Распространение грамотности и средств коммуникации в большей части Европы (Франция, Англия, Германия, северная Италия) способствовало становлению политически значимой публичной сферы. Институты социального взаимодействия (кофейни, пабы, салоны, театры, газеты) в Европе, городах Османской империи, а с конца XVIII века – также в столицах и крупнейших провинциальных городах России порождали пространства для общественных дискуссий, хотя европейские и евразийские правители использовали средства коммуникации – грамотность, газеты, прокламации – в своих целях.

В эти века появляются новые идеологии правления, призванные подкрепить государственное строительство. Некоторые были укоренены в традиции: в Китае, России и Османской империи разнообразные формы коммуникации (письменные тексты, портреты, архитектура, ритуал, одежда) транслировали претензии государства на легитимность в проверенных временем терминах («поставленный Богом» монарх). Другие династии – Моголы в Индии, крымские и прочие ханы, отколовшиеся от монгольской Орды, китайские Цины – в поисках легитимности возводили свое происхождение к таким легендарным фигурам, как Чингисхан и Тимур. В Европе с XVI века заявления о необходимости централизованной монархической власти («хорошо упорядоченное полицейское государство», абсолютизм) обосновывались не только ссылками на богоданность правителя, но и утверждениями о его обязанности служить «общему благу» и умножать это благо – идеи, громко звучавшие и в России XVIII века. В новой философии правления, ставшей популярной преимущественно в Европе, концепции сильного государства противопоставлялась теория представительного правительства. Но все, кто высказывался на эту тему, соглашались, что для легитимизации власти необходим общественный договор.

Одним из главных направлений развития европейской политической теории в раннее Новое время была разработка комплексных политэкономических концепций, отражавших и поддерживавших укрепление государственной власти. В Европе распространилась меркантилистская идея о важности приобретения производительных ресурсов – земли и населения. Все эти теории, помимо прочих стимулов, в XVI–XVIII веках способствовали территориальной экспансии внутри Европы, имперской экспансии и появлению колониальных владений, как заморских (у Испании, Англии, Франции), так и примыкавших к метрополии (у государства Габсбургов, Османской и Российской империй). Этой же цели служило множество экономических реформ: устранение внутренних таможенных барьеров, протекционистские

тарифы, упразднение монополий на торговлю теми или иными товарами, выданных иностранцам, сооружение дорог и каналов, постройка морских судов. Все они проводились в России с XVII века. Для Евразии было характерно строительство империй, но оно имело место и в поствестфальской Европе, где основные игроки были одновременно протонациональными государствами (если рассматривать ситуацию на континенте) и торговыми империями с заморскими колониями (если рассматривать ситуацию в мировом масштабе).

Возвышение русской империи в раннее Новое время происходило на фоне этих бурных перемен. С середины XV и до конца XVIII века московские правители неизменно расширяли подвластную им территорию за счет тех областей, где пролегали торговые пути, имелись ресурсы и плодородные земли. Они совершенствовали свои вооруженные силы, чтобы действовать на обоих направлениях экспансии, степном и европейском, приспособили абсолютистскую идеологию к особенностям российского самодержавия, стимулировали экспортную и транзитную торговлю, осуществлявшуюся при помощи сибирских караванов и через порты Белого, Балтийского и Черного морей, проявляли внимание к новейшим религиозным и культурным течениям. Иными словами, они делали большую часть того, что полагалось делать правителю государства с глобальными интересами в раннее Новое время.

* * *

О торговле в раннее Новое время: Romaniello M. Trade and the Global Economy // The Oxford Handbook of Early Modern European History, c. 1350–1750, 2 vols. / Ed. by H. Scott. Oxford: Oxford University Press, 2015. Vol 2. P. 307–333; Richards J. Early Modern India and World History // Journal of World History. 1997. № 8. P. 197–209; Richards J. The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 2003; Bentley J. Early Modern Europe and the Early Modern World // Between the Middle Ages and Modernity: Individual and Community in the Early Modern World / Ed. by J. Bentley and C. Parker. Lanham: Rowman & Littlefield, 2007. P. 13–31. О глобальной взаимосвязи: Fletcher J. Integrative History: Parallels and Interconnections in the Early Modern Period, 1500–1800 // Journal of Turkish Studies. 1985. № 9. P. 37–57; Lieberman V. Beyond Binary Histories: Re-Imagining Eurasia to c. 1830. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 289–316. О степных империях: Golden P. Central Asia in World History. Oxford and New York: Oxford University Press, 2011.

О «великом расхождении»: Pomeranz K. The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Econom. Princeton: Princeton University Press, 2000; Rosenthal J.-L., Bin Wong R. Before and Beyond Divergence: The Politics of Economic Change in China and Europe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011.

О Малом ледниковом периоде: Fagan B. The Little Ice Age: How Climate Made History 1300–1850. New York: Basic Books, 2000; Lamb H. Climate, History and the Modern World. London: Routledge, 1995; Richards J. The Unending Frontier. Chap. 2 (особое внимание уделяется Европе и Китаю). О его последствиях для Китая: Brook T. The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. Cambridge, Mass., and London: Belknap Press, Harvard University Press, 2010. Chap. 3.

О климате в России: Borisenkov Y. Climatic and Other Natural Extremes in the European Territory of Russia in the Late Maunder Minimum (1675–1715) // Climatic Trends and Anomalies in Europe 1675–1715 / Ed. by B. Frenzel. Stuttgart, Jena, New York: Gustav Fischer Verlag, 1994. P. 83–94; статьи Чернавской и Борисенкова в кн.: Climate Since A.D. 1500 / Ed. by R. Bradley and Philip D. Jones. London and New York: Routledge, 1995 (p. 73–81, 171–183). Важный труд на русском языке: Борисенков Е., Пасецкий В. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII веков. Л.: Гидрометеиздат, 1983.

Об эпидемиях в раннее Новое время (Европа и Евразия в целом): Crosby A. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 29–39; McNeill W. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books, 1976; Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: W. W. Norton & Company, 1999. Классическая работа на русском языке об эпидемиях в России: Васильев К., Сегал А. *История эпидемий в России (Материалы и очерки)*. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1960.

О демографическом росте в Европе: Malanima P. *Pre-Modern European Economy: One Thousand Years (10th–19th Centuries)*. Leiden: Brill, 2009; de Vries J. *Population // Handbook of European History, 1400–1600: Late Middle Ages, Renaissance and Reformation*. Vol. 1: Structures and Assertions / Ed. by T. Brady, H. Oberman, J. Tracy. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 1994. P. 1–50. О Китае: Brook T. *The Troubled Empire*. Chap. 2. Об Османской империи: Inalcik H., Quataert D. *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 25–41, 646–657.

О демографии и плотности населения в России: McEvedy C., Jones R. *Atlas of World Population History*. Harmondsworth: Penguin Books, 1978; труд, подтверждающий расчеты Водарского: Миронов Б. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; Mironov B. *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917*. London: Routledge, 2012; Malanima P. *Pre-Modern European Economy: One Thousand Years (10th–19th Centuries)*. Leiden: Brill, 2009. Классические труды на русском: Горская Н. *Историческая демография России эпохи феодализма. (Итоги и проблемы изучения.)* М.: Наука, 1994; Водарский Я. *Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.)*. М.: Просвещение, 1973.

Об обезлесении и деградации окружающей среды: Moon D. *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made*. London: Longman, 1999; Moon D. *The Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

О европейских морских империях: Tracy J. *Trade across Eurasia to about 1750 // Bentley J. The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 288–303; *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J. Tracy. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990; Tracy J. *The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Reinhard W. *The Seaborne Empires // Handbook of European History, 1400–1600*. P. 1–50, 637–664; Roberts J. *The New Penguin History of the World*. London: Penguin, 2007; van der Wee H. *Structural Changes in European Long-Distance Trade, and Particularly in the Re-export Trade from South to North, 1350–1750 // The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J. Tracy. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990. P. 14–33.

О торговле по Великому шелковому пути и евразийской империи: Christian D. *Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History // Journal of World History*. 2000. № 11. P. 1–26; Rossabi M. *The «decline» of the Central Asian Caravan Trade // The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J. Tracy. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990. P. 351–370; Tracy J. *Trade across Eurasia to about 1750*; Curtin P. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; Levi S. *India, Russia, and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade // India and Central Asia: Commerce & Culture, 1500–1800* / Ed. by S. Levi. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 93–122; Rieber A. *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

О Моголах: Richards J. Early Modern India and World History // Journal of World History. 1997. № 8. P. 197–209; Richards J. The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 2003. Chap. 1; Wink A. Postnomadic Empires: From the Mongols to the Mughals // Tributary Empires in Global History / Ed. by P. Bang, C. Bayly. Oxford: Palgrave Macmillan, 2011. P. 120–131; Wink A. Akbar. Oxford: One World, 2009. О Китае: Brook T. The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. Cambridge, Mass., and London: Belknap Press, Harvard University Press, 2010. Об Османской империи: Kafadar C. Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State. Berkeley: University of California Press, 1995; Imber C. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. Basingstoke: Palgrave, 2002.

Глава 2

Империя де-факто

Возвышение Москвы

В конце XVIII века Россия поразительным образом сделалась одной из главных геополитических сил Европы. Это случилось благодаря сочетанию ряда факторов – географическому расположению, изобилию природных ресурсов и удачным хронологическим совпадениям. Россия смогла обеспечить поставки сырья и дорогостоящей пушнины именно тогда, когда северо-европейские города и государства предъявляли на них высокий спрос. Ее правители создали стабильную политическую систему, способную выдержать политические потрясения, сформировать армию и использовать ее для захвата и удержания территорий, развернуть необходимые налоговые и административные структуры. Московское государство начало становиться региональной державой в XIV веке, но его становление как «государства раннего Нового времени», обладающего реформированной армией, бюрократией и центральными органами власти, началось около 1450 года. С тех пор, в течение примерно столетия, московские великие князья и элиты управляли небольшой территорией в центре и на севере современной России, населенной в основном – но не исключительно – крестьянами восточнославянского происхождения. Можно сказать, что даже в те века, когда шло образование государства, Москва уже управляла империей – многонациональной и многоконфессиональной страной, – поскольку подданные великого князя около 1450 года относились к восточнославянским, финно-угорским и тюркским народностям, исповедовавшим православие, ислам и анимизм. В этой главе мы проследим за тем, как Москва на протяжении этих столетий сделалась региональной державой.

НАСЛЕДИЕ МОСКВЫ

Великое княжество Московское было одним из нескольких княжеств, возникших вследствие распада Киевской Руси. Последняя образовалась в IX столетии благодаря международной торговле. Называвшие себя «русами» торговцы, которые впоследствии приняли титул «великих князей киевских», создали ответвление от Великого шелкового пути, протянувшееся с севера на юг. То были отряды викингов различной национальности – представители северо-европейских, преимущественно скандинавских народностей, охотно ассимилировавшие кого угодно, в нашем случае – вождей местных племен. (Исторически эти земли, которые включали ядро современной Украины, именовались «Русью»: отсюда произошло соответствующее латинское слово, давшее затем английское Ruthenian.) Целью их было получение от племен, обитавших в лесах на территории нынешних Украины, Беларуси и центральной России, ресурсов, на которые существовал спрос в городах Средиземноморья и Ближнего Востока – мехов, янтаря, но прежде всего рабов. Томас Нунен напоминает нам, что не следует романтизировать этот процесс: «Князья-русы и их дружинники систематически присваивали меха, воск и даже тела покоренных ими подданных, обменивая все это в Константинополе на предметы роскоши, которые не попадали на Русь иными способами. Этот процесс... обычно называют торговлей или коммерцией. На деле же это была лишь разновидность колониальной эксплуатации». Торговцы-русы вместе с союзными славянскими племенами переправляли свою добычу по Днепру в византийские торговые фактории на Крымском полуострове, или по Волге – в перевалочные пункты на Каспии. Взамен они получали серебряные монеты – арабские, византийские и прочие. В наше время периодически находят клады с этими монетами, некогда образовывавшие что-то вроде банковской системы для транзитной торговли.

Первоначально торговцы-русы совершали ежегодное путешествие с Балтийского моря на Черное, возвращаясь через Европу. В X веке одна группа торговцев обосновалась в Киеве, на Днепре, стремясь заполучить контроль над разбросанными среди восточноевропейских лесов торговыми факториями, которые посещали русы – в первую очередь такими, как Новгород (в глубине материка, но с удобным выходом к Балтике), Смоленск (в верховьях Днепра), Ростов (в верховьях Волги) и т. д. Претендуя на суверенную власть, они создали типичную средневековую монархию, кое-как сохранявшую единство благодаря родственным связям между потомками первого вождя (историки называют их Рюриковичами, по имени полуполюгендарного основателя династии, жившего в IX веке). Члены династии установили иерархию княжеских престолов, на верхних ступенях которых располагались Новгород и Киев – в последнем сидел великий князь. В XI веке представителям семейства удавалось на протяжении нескольких поколений поддерживать так называемый лестничный порядок наследования, при котором князья переезжали из города в город. Система рухнула, когда княжеский род разросся и различные его ветви обособились внутри отдельных княжеств, сохраняя, однако, лояльность по отношению к Киеву.

Киевские великие князья правили лесными областями к северу от линии, разделяющей лес и степь. Эти области были колонизированы крестьянами славянского происхождения: восточные славяне пришли в них с юга и запада, западные – с побережья Балтийского моря. Славянский язык, принадлежавший к индоевропейской семье, распался на три подгруппы по мере того, как славяне двигались из первоначальной области расселения на территории современной Украины (по иронии судьбы, она располагалась возле нынешнего Чернобыля). Западные славяне устремились на запад и северо-запад, разделившись на чехов, поляков и другие народы; южные славяне направились на Балканы, где образовались сербы, хорваты и прочие народности; восточные славяне; восточнославянская общность распалась на украинцев, белорусов и русских. Некоторые славяне, жившие в Новгородской земле, принадлежали к числу западных славян, что видно по новгородским диалектам русского языка. Стекавшиеся с разных сторон в северные леса крестьяне славянского происхождения оказывались в районах, издавна заселенных угро-финскими народностями, которые жили за счет леса, занимаясь охотой, рыболовством, собирательством и бортничеством. Славяне же не только эксплуатировали лесные ресурсы, но и практиковали сельское хозяйство: таким образом, они разрушали среду обитания угро-финнов, расчищая леса под пашни. Со временем они вытеснили или ассимилировали столько угро-финских племен, обитавших в лесной зоне, ныне называемой Европейской Россией (до Урала), что о былом присутствии последних стали напоминать только географические названия – например, «Москва». Отдельные народности, тем не менее, продолжили существовать на границе расселения восточных славян: это современные эстонцы, финны, карелы, коми, удмурты, марийцы, мордва, ханты и манси. Кроме того, на севере западные славяне были вынуждены уступить место восточным.

Аналогично с IX по XI век торговцы-русы, выходцы из Скандинавии, были ассимилированы элитой восточнославянских племен – процесс, который прослеживается по документам. В договоре 907 года названы имена тех, кто сопровождал русского князя Олега: Карл, Фарлоф, Велмуд, Рулав и Стемид. А сыновья великого князя Владимира, правившего с 980 по 1015 год, уже носили славянские имена: Святополк, Изяслав, Ярослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Судислав. Когда русы сделали постоянными правителями, экспроприация сменилась налогообложением, а поездки с целью сбора дани – контролем над земельной собственностью. Великие князья на Руси раздавали своим приближенным земли с проживавшим на них населением, положив тем самым начало многовековому процессу складывания землевладельческой элиты, которую обслуживали зависимые, но пока еще (в домосковский период) не закрепощенные крестьяне: с них требовали оброк и барщину, как и во всех традиционных аграрных экономиках Европы.

Киевская Русь была не более сплоченной, чем другие средневековые монархии (например, империя Карла Великого), распавшиеся через несколько сотен лет под влиянием множества факторов, включая увеличение числа членов династии. В случае Руси свою роль сыграло и изменение торговых путей вследствие упадка Византии, завершившееся к 1100 году. Киевские великие князья больше не могли сохранять контроль над боковыми ветвями династии. Развивались центры княжеств – Смоленск, Полоцк, Чернигов, Владимир-Волынский, Ростов, Владимир, Тверь, Суздаль, Москва. Такие центры, как Новгород (см. рис. 2.1) и Псков, так обогатились за счет балтийской торговли, что население этих городов освободилось из-под власти князей: в XII веке они стали самоуправляющимися республиками. Представители боковой ветви, которые управляли землями в междуречье Волги и Оки, вдоль быстро развивавшегося волжского торгового пути (Владимирская или Владимиро-Суздальская земля), приняли титул великих князей владимирских. В 1253 году честолюбивые галицко-волыньские князья, чьи владения располагались на торговых путях в Венгрию, Польшу и Западную Европу, получили от папы королевский титул. Но титул великого князя киевского по-прежнему сохранял привлекательность, и местные князья, нередко вступавшие в союз с кочевниками, боролись друг с другом за него, а не за физическое обладание Киевом. Так, Андрей Боголюбский, великий князь владимирский, взяв Киев в 1169 году, разорил город. Земли бывшей Киевской Руси утратили даже ту минимальную военно-политическую сплоченность, которой обладало это государство прежде, так что монголы во время походов 1223 года и 1237–1240 годов заняли их без труда.

Новгороду удалось не попасть под власть монголов, но большинство восточнославянских княжеств оказались в подчинении у западной части монгольской империи, которую обычно называют Золотой Ордой (правильнее было бы говорить «Кипчакское ханство»). В русских источниках мы встречаем одно лишь слово «Орда». Столица ее, Сарай, располагалась неподалеку от устья Волги. Орда выкачивала из русских земель ресурсы в виде дани, рабов и ремесленников. На протяжении XI и XII веков в этих краях строились прекрасные каменные соборы (в Киеве, Новгороде, Владимире, Боголюбове, Юрьеве-Польском), но затем на территориях, подвластных монголам, каменное строительство прекратилось как минимум на столетие. Князья Суздаля, Рязани, Нижнего Новгорода, Твери и Москвы соперничали между собой за милости Орды, предоставлявшей весьма выгодные права: сбор дани, возможность обращаться к монголам за военной помощью, титул великого князя владимирского. Одним из первых региональных лидеров стала Тверь, символом успехов которой стал каменный собор (1285). Чтобы не допустить дальнейшего подъема Твери, Орда в начале XIV века поставила Москву в привилегированное положение, доверив ей сбор дани (следствием этого стала замена деревянного Успенского собора в Кремле на каменный в 1320-х годах).

Рис. 2.1. Новгородский Софийский собор, построенный в 1045–1050-х годах греческими мастерами, отражает статус города как второй княжеской резиденции Киевской Руси и крупного балтийского торгового порта; в XI веке Новгород отказался от княжеского контроля и стал республикой. Фото Джека Коллманна

Покровительство со стороны монголов было одним из четырех факторов, которые, согласно знаменитому историку В. О. Ключевскому, способствовали становлению Москвы как региональной державы. Перечислим остальные три: переезд митрополита Киевского в Москву (1320-е годы); постоянный переход власти к одному наследнику, при том что владения соперников дробились; и, наконец, выгодное географическое положение. Реки, на которых стоял город (Москва, Яуза, Неглинная), позволяли легко добраться до Каспия по Волге, до Новгорода по верхней Волге и малым рекам, кое-где пользуясь волоками, и до Черного моря по Дону. Тверь тоже отличалась хорошим расположением, но не имела удобного выхода к Дону.

Кипчакское ханство со столицей в Сарае прочно контролировало нынешнюю центральную Россию с середины XIII до конца XIV века. Многие позднейшие историки считали этот период определяющим для хода русской истории и даже для формирования русского национального характера. Монгольское «иго», согласно их представлениям, привело к прекращению оживленных отношений между центрально-русскими княжествами и Западной Европой, характерных для киевского периода (киевские принцессы выходили замуж за европейских королей, активно велась торговля). Монголы будто бы несли ответственность и за установление централизованного самодержавного режима; некоторые утверждали, что присущие им «азиатские» обычаи сделали русских грубыми варварами (по сравнению с европейцами). Эти стандартные упрощения не выдерживают критики.

Монголы были кочевниками, говорившими на языках тюркской семьи, и неизменно обитали в степи (в лесах центральной России не обнаружено татарских захоронений). За исключением нескольких первых поколений, монгольские сборщики дани и чиновники почти не попа-

дали на север; Сарай правил через посредство русских князей. Таким образом, представители восточнославянских и финно-угорских народностей редко вступали в контакт с монголами (если их, к несчастью, не угоняли в рабство). Все они были земледельцами и христианами или анимистами, монголы же – кочевниками-мусульманами. Славяне и финно-угры не говорили на монгольских и тюркских языках, которыми пользовались монголы и их степные сателлиты. Как следствие, между теми и другими заключалось мало браков и почти не происходило культурного взаимодействия: это касалось и низов, и элиты. В той мере, в какой историки способны оценить «влияние» монголов, оно оказывается вполне ожидаемым – все сводилось к контактам князей с Ордой. Проникновение тюркских слов в русский язык в течение этих столетий связано почти исключительно с общением между правителями: заимствовались термины военного, финансового и бюрократического порядка. К примеру, тюркские корни имеют русское слово «деньги», ряд терминов для обозначения оружия (саадак, сабля, тюфяк²) и командных должностей (атаман, есаул), множество слов, относящихся к конному делу. Представители русских княжеских родов и элиты, вынужденные часто ездить в Сарай на поклонение и оставлять там сыновей, несомненно, заимствовали монгольские практики и концепции в области государственного управления и, в свою очередь, делились с монголами убедительными идеями относительно политической власти и саморепрезентации, порожденными внутри православия.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАКУУМА ВЛАСТИ

Политическая сплоченность Кипчакского каганата стала ослабевать в 1360-е годы, когда началась внутренняя борьба, приведшая в середине XV века к его распаду на несколько враждовавших между собой каганатов. Этот долгий процесс создал вакуум власти, и началась ожесточенная борьба за лидерство в регионе. В то время активно развивалась торговля на Балтийском и Черном морях (междоусобицы в Орде уменьшили значение Волги). Сухопутные торговые пути на территории современных Беларуси и Украины, проходившие через центры княжеств – Великие Луки, Торопец, Смоленск, Вильно, Витебск и Полоцк – играли ведущую роль в отношениях Востока с Западом. Города, стоявшие на путях, которые вели к Черному морю, также становились центрами торговли: Чернигов (на Десне), Смоленск, Переяславль, Киев (все на Днепре). В конце XIV века черноморская торговля оживилась благодаря генуэзским колониям (Судак, Кафа), связанным караванными дорогами с восточнославянскими землями. В междуречье Волги и Оки стали прокладываться пути на юг: через Коломну и Рязань (города на Оке) к Десне, Днепру, Дону и Волге.

В середине XIV столетия Москва располагала крупнейшими военными силами в центральном русском регионе, но имела грозного соперника в лице Литвы, где правила династия Гедиминовичей (основатель, князь Гедимин, скончался в 1341 году). Воспользовавшись слабостью Орды, Литва принялась энергично захватывать территории нынешних белорусских и украинских земель. В 1360-х годах ее экспансия остановилась с занятием степных земель недалеко от Киева. Литовцы, говорившие на одном из языков балтийской группы (индоевропейская семья) и остававшиеся язычниками, подпали под власть христианских восточнославянских княжеств, которые вели свое происхождение от Киевской Руси. На Балтике Великое княжество Литовское столкнулось с Ливонским орденом, активно проводившим политику захватов. Гедиминовичи обратились за помощью к Польскому королевству и в 1387 году заключили с ним союз. Литовская элита стала обращаться в католичество, но они не пытались навязать новую религию украинцам и белорусам – как знати, так и крестьянам. С течением времени литовская знать все больше пропитывалась польской культурой, заимствовав, в частности, польские дво-

² Здесь имеется в виду тип огнестрельного оружия. – *Примеч. пер.*

рянские и городские учреждения. Династический союз привел к образованию полноценной федерации – Речи Посполитой (1569). Польские земли и земли Великого княжества Литовского ощущали на себе влияние европейских культурных тенденций, последовательно сменявших друг друга (Ренессанс, Реформация, Контрреформация, Просвещение). В свою очередь, исповедовавшая православие образованная элита Великого княжества, начиная с конца XVII века и на протяжении всего XVIII столетия, немало способствовала проникновению европейских идей в Россию.

В середине XV века, пока Москва была занята упрочением своего господства над соседними княжествами, произошел распад Орды, который изменил обстановку в низовьях Волги и на пространстве степи. Образовавшиеся в результате государства – Казанское ханство (1445), Астраханское ханство (1460-е годы) и другие – установили контроль над старыми центрами торговли. Правители их считали себя наследниками харизматического Чингисхана. Хан Гирей, из числа чингизидов, к 1443 году распространил свою власть на Крым и прилегавшие к нему причерноморские степи. Казанское и Астраханское ханства получали стабильный доход от торговли мехами и восточными товарами, перевозившимися, соответственно, вниз и вверх по течению Волги. Крымские же татары практиковали традиционные занятия степняков – набеги и сухопутную торговлю, играя первостепенную роль в работорговле, которая активно велась в этом регионе. Крымские торговцы везли рабов с Кавказа в свои торговые фактории, а каждый набег на восточнославянские земли доставлял им тысячи невольников. Дальше на восток располагалась Ногайская Орда, которая в начале XVI века простиралась от Азовского моря до Аральского, контролируя степи по обоим берегам Волги. Ее отношения с Москвой точно так же сводились к набегам и торговле; ногайцы ежегодно пригоняли в Московское государство тысячи лошадей на продажу. Южнее находилась Великая Орда, образовавшаяся после окончательного разорения Сарая Тимуром (Тамерланом) в первые годы XV столетия. Ее обитатели, как и ногайцы, совершали набеги и занимались торговлей, по мере того как Россия на протяжении XVII и XVIII веков продвигалась вглубь степи; однако Великой Орде, в отличие от трех остальных ханств, не удалось создать постоянной политической структуры. Как мы увидим, ее правители позднее стали переходить на службу к российским государям. Но в XV–XVIII веках все они так или иначе извлекали выгоду из транзитной торговли по Волге, Дону и Днепру – или препятствовали этой торговле. В Западной Сибири возникло Сибирское ханство – не такое могущественное, как Казанское или Крымское, – правители которого также возводили свой род к Чингисхану.

Московские князья, как и их соперники Гедиминовичи, присоединяли новые территории в условиях существовавшего в XIV и XV веках вакуума власти, преследуя определенные политические и экономические цели. Новгород, располагавшийся к северо-западу от Москвы, являлся для них препятствием и желанной добычей (рис. 2.2.). Основанный в IX веке, он был вторым по важности городом Киевской Руси. Новгородская торговая элита уже к середине XII века освободилась из-под влияния русских князей и установила городскую республику; основой государственного устройства были собрания граждан на местном и общегородском уровне. С течением времени представители элиты взяли в свои руки все выборные должности, так что многие считали Новгород олигархией, а не республикой. Город процветал благодаря торговле мехами, особенно в XIV веке, став членом немецкого Ганзейского союза, куда входили торговые порты. Новгородское государство постоянно расширялось на восток, в конце концов достигнув Урала. Ближайшие окрестности Новгорода служили для него источником продовольствия. В основном же он играл роль поставщика беличьих мехов на европейский рынок.

В конце XIV века Москва начала посягать на торговлю мехами, которую вел Новгород. Московское княжество на северо-востоке граничило с территориями угро-финских племен, плативших дань Новгороду или Сарая. В 1328 году Москва овладела Устюгом, важным горо-

дом, стоявшим на Северной Двине (Сухоне), по которой пролегал торговый путь. Позднее, в том же XIV столетии, она расширила свои владения от Устюга на восток, вплоть до рек Вымь и Вычегда в землях, населенных коми-пермяками. Деятельность миссионеров во главе со Стефаном Пермским, позднее канонизированным, привела к основанию там в 1380-е годы епископской кафедры: с этого момента власть Москвы над пермскими племенами в бассейне Вычегды стала принимать реальные очертания. По мере ослабления Сарая московские купцы и посланники начали требовать дань в виде мехов и даров леса; эти товары отсылались вниз по Волге, где обменивались на соль, шелк, пряности, драгоценности и серебро. Но Москве, как и прежде, не удавалось заполнить прямой выход к Балтике.

Рис. 2.2. Церковь Спаса Преображения на Ильине в Новгороде (1374) – превосходный по стилю однокупольный храм, в который делали пожертвования богатые торговцы со всего города. В нем сохранились остатки фресок Феофана Грека, выполненные в соответствии с учением исихазма. Фото Джека Коллманна

В первой половине XV века и Москва, и Великое княжество Литовское стали жертвами внутренних распрей, связанных с престолонаследием, к середине же столетия положение в обоих государствах стабилизировалось. Литва занимала огромную территорию, и ее могущество росло по мере укрепления союза с Польшей. Московское княжество было сравнительно небольшим по площади, но прочным изнутри: власть князя укрепилась в ходе династической войны (1430–1440-е годы), в которой столкнулись сторонники престолонаследия по прямой и боковой линиям. Именно наследование по боковой линии традиционно практиковалось в русских землях. В Московском княжестве власть де-факто передавалась по прямой линии из-за превратностей рождения и эпидемий, но династическая война позволила закрепить эту практику, обеспечивавшую устойчивость центральной власти. Наследование по боковой линии привело бы к постоянной ротации элит – братья боролись бы между собой за титул великого князя. При передаче же власти от отца к сыну те семейства, которые входили в элиту, процветали на протяжении многих поколений. К середине XV века Москва обратила свой взгляд на оставшихся соперников из числа восточнославянских государств (в основном на Тверь и Новгород), по-прежнему стремясь добиться преимуществ в торговле на Балтике и Волге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.